

B $\frac{3}{116}$

1894

СЕЛЬСКАЯ ЖИЗНЬ

ВЪ ПРОШЛОМЪ И НАСТОЯЩЕМЪ,

въ юридическомъ и общественно-
культурномъ отношеніи.

М. Х. Петрулана.

122

ВИЛНА.
Типографія И. Блюмовича.
1894.

Дозволено цензурою. 4-го Августа 1894 года. Вильна.

2007058184

Л. А. А.
Л. А. А.

1894

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Крестьянскій вопросъ, безъ сомнѣнія, является, съ одной стороны, весьма сложнымъ и обширнымъ, а съ другой—не менѣе важнымъ и интереснымъ. И хотя въ послѣднее тридцатилѣтіе, какъ извѣстно, написаны объ немъ цѣлые томы и на разные лады, какъ дѣйствительными знатоками крестьянской жизни, такъ и диллетантами, однако, вопросъ этотъ является еще далеко неисчерпаннымъ и очень многое въ немъ пока или совершенно незатронуто, или хотя и затронуто, но не вполне или съ ненадлежащей точки зрѣнія. И неудивительно. Во-первыхъ, вопросъ касается многомилліоннаго, преобладающаго въ государствѣ населенія, сотни лѣтъ остававшагося на сторонѣ общаго теченія жизни, въ изолированномъ и обособленномъ положеніи, и потому мало обращаваго на себя вниманіе науки и литературы, а, слѣдовательно, и образованнаго общества, интересовавшихся, если не исключительно, то, главнымъ образомъ, другими вопросами и другими сферами жизни. Во-первыхъ, въ числѣ изслѣдователей крестьянской

жизни всегда преобладали и, пожалуй, еще преобладают люди изъ другихъ слоевъ общества, выросшіе, вращающіеся и дѣйствующіе, слѣдовательно, въ другой средѣ и въ другихъ условіяхъ жизни,—люди, для которыхъ крестьянскій бытъ, въ большинствѣ случаевъ, мало извѣстенъ и мало доступенъ, выводы и наблюденія которыхъ, поэтому, часто бываютъ или очень неполны, или совершенно ошибочны. Однако, и предлагаемый очеркъ является лишь слабой попыткой въ этомъ отношеніи и не можетъ претендовать на восполненіе существующаго недостатка, требующаго болѣе серьезнаго труда, гораздо лучшей подготовки и лучшаго пера.

До крестьянской освободительной реформы 1861 года крестьяне, какъ извѣстно, подраздѣлялись на помѣщичьихъ, или крѣпостныхъ, и на казенныхъ, или государственныхъ. Первые находились подъ управленіемъ и опекой своихъ помѣщиковъ, не пользовались никакой самостоятельностью и не располагали почти никакими юридическими правами непосредственно, а вторые, т. е. казенные, сначала были въ вѣдѣніи управленій государственныхъ имуществъ, управлявшихъ ими чрезъ особыхъ своихъ чиновниковъ, а потомъ было у нихъ введено уже самоуправленіе подъ именемъ сельскихъ управленій, которыя были подчинены непосредственному надзору сперва чиновниковъ особыхъ по-

рученій, а потомъ окружныхъ начальниковъ, дѣйствовавшихъ уже вплоть до реформы 1861 года, смѣнившей ихъ мировыми посредниками, продолжающими свое назначеніе и понынѣ въ юго-и-сѣверо-западныхъ губерніяхъ. Государственные крестьяне были гораздо самостоятельнѣе помѣщичьихъ, жилось имъ вообще лучше и свободнѣе, и потому въ общемъ были они зажиточнѣе и счастливѣе послѣднихъ. Разница эта, пожалуй, лучше всего обнаруживалась въ бракахъ; въ то время, напримѣръ, какъ крѣпостные крестьяне охотно вступали въ браки съ казенными крестьянами и для крѣпостной женщины составляло завѣтную мечту и особое счастье выйти замужъ за казеннаго крестьянина, хотя браки эти иногда немало затруднялись практиковавшимся тогда денежнымъ „выкупомъ“ въ пользу помѣщика за выходъ изъ его имѣнія, — казенные крестьяне заключали съ ними браки, наоборотъ, весьма неохотно и только въ исключительныхъ случаяхъ, разумѣется, независимо личныхъ достоинствъ и симпатій, хотя браки эти были совершенно свободны, и помѣщиками, наоборотъ, уже такъ или иначе поощрялись изъ личныхъ видовъ.

Великая же крестьянская реформа, какъ извѣстно, объединила и уравнила обѣихъ категорій крестьянъ какъ въ административномъ, такъ и вообще въ правовомъ отношеніи, давъ имъ общее, одинаковое самоуправленіе

и одинаковыя права и обязанности. Не только бывших помѣщичьихъ, но и бывшихъ государственныхъ крестьянъ права, свобода и самостоятельность, вслѣдствіе этого, значительно расширились; тѣ и другіе получили особый импульсъ къ прогрессу въ экономическомъ, умственномъ и общественно-юридическомъ отношеніи.

Послѣдовавшія затѣмъ три неменѣе благодѣтельные и справедливыя реформы: введеніе народнаго образованія, всеобщей воинской повинности и упраздненіе подушной подати, еще болѣе улучшили положеніе крестьянъ, личное и матеріальное, съ одной стороны, значительно облегчивъ имъ отбываніе такихъ важныхъ повинностей, какъ обязательная воинская и податная, лежавшія исключительно на крестьянахъ и мѣщанахъ, а съ другой стороны—устранивъ вѣковыя соціальныя преграды, исторически поддерживавшія сословныя предразсудки и сословную рознь, вредно отзывавшіяся на общемъ благосостояніи населенія, и сблизивъ, такимъ образомъ, крестьянъ съ остальными сословіями государства, неизбежно пришедшими въ соприкосновеніе и извѣстную солидарность съ ними на экономическомъ, а, слѣдовательно, и на общественно-юридическомъ поприщѣ.

Благодаря этому, крестьяне выступили уже на общую арену жизни и дѣятельности и прежній крестьянскій міръ измѣнился уже до неузнаваемости. Теперешняя крестьянская

жизнь во многомъ и весьма непохожа на прежнюю, до-ре-
форменную. Теперь крестьяне въ общемъ стали гораздо за-
житочнѣе, развитѣе и счастливѣе прежняго, что бы ни го-
ворили противники этого, и во всемъ этомъ бывшіе крѣ-
постные уже вполне сравнялись съ бывшими государствен-
ными, хотя и крестьянская жизнь, какъ и всякая другая,
въ тоже время далека отъ желаемой полноты и возмож-
наго совершенства, какъ это увидимъ изъ дальнѣйшаго
изложенія предмета.

Предлагаемое сочиненіе касается главнымъ образомъ
западныхъ губерній Россіи.

М. Х. П.

ОУДЪ

ГЛАВА ПЕРВАЯ.

Юридическій бытъ крестьянъ.

Такъ какъ центромъ или средоточіемъ юридической, какъ и вообще официальной, правовой жизни крестьянъ, какъ извѣстно, является волостное правленіе, въ которомъ юридическіе дѣла, интересы и обычаи ихъ, во всей обширной и разнообразной своей совокупности, получаютъ не только юридическое или формальное, но и фактическое или активное выраженіе,—то разборъ и изслѣдованіе вопроса необходимо начать съ главныхъ составныхъ частей волостного правленія, въ числѣ которыхъ суду, опеку и праву наследованія принадлежитъ, безъ сомнѣнія, первое мѣсто, по важности роли, которую они играютъ въ жизни вообще, а въ крестьянскомъ быту въ частности.

Судъ.

Изъ всѣхъ человѣческихъ учрежденій и институтовъ судъ и правосудіе, служа основаніемъ и защитой личныхъ и матеріальныхъ правъ людей, безъ сомнѣнія самое важное и самое необходимое учрежденіе, какъ основное условіе соціальнаго, юридическаго и нравственнаго строя,—словомъ всей обширной совокупности человѣческаго общежи-

тія. Поэтому, судъ появился въ самую раннюю эпоху человѣческой жизни, ранѣе многихъ общественныхъ и государственныхъ учрежденій и, пожалуй, самого законодательства (правильнаго, систематическаго), видоизмѣняясь и принимая разныя формы, въ теченіе долгой своей исторіи, въ разное время и у разныхъ народовъ, въ зависимости отъ времени, мѣста и общественной среды. И хотя въ позднѣйшія историческія времена и у всѣхъ болѣе или менѣе цивилизованныхъ народовъ судъ, правосудіе и законодательство пользовались особымъ вниманіемъ общества и государства, какъ основаніе и залогъ благоденствія ихъ, прогресса и цивилизаціи, и въ наше время, какъ извѣстно, скорый и правый судъ и мудрое законодательство составляютъ, поэтому, краеугольный камень государственнаго и общественнаго строя, однако, то и другое, т. е. и судъ, и законодательство, кажется, еще нигдѣ не достигли желаемого совершенства, такой полноты и цѣлесообразности, чтобы, вполне согласуясь съ текущими условіями жизни, не подвергаться постояннымъ отмѣнамъ, перемѣнамъ и дополненіямъ и не вызывать иногда совершенно резонныхъ и основательныхъ нареканій на неточность или несоотвѣтствіе нормировки и регламентаціи ихъ.

И крестьянскій судъ, въ частности, также прошелъ свою исторію развитія и видоизмѣненій, хотя и въ болѣе скромныхъ размѣрахъ, т. е. не такую длинную и не такую сложную, какъ общесословные суды, но имѣя такое же важное житейское значеніе, какъ и послѣдніе.

До крестьянской освободительной реформы 1861 года надъ бывшими крѣпостными крестьянами судебная власть, какъ и всякая другая, если не юридически, то фактически,

всецѣло и почти безусловно принадлежала, какъ извѣстно, ихъ помѣщикамъ, которые въ этомъ отношеніи руководствовались традиціонными правилами и обычаями, переходившими, въ безконечномъ своемъ разнообразіи, изъ поколѣнія въ поколѣніе, отъ предковъ къ потомкамъ, вѣрнѣе—доброй волей и личнымъ усмотрѣніемъ, такъ какъ фактически, какъ извѣстно, крестьяне, находясь въ полной зависимости отъ своихъ помѣщиковъ, личной и имущественной, и составляя какъ бы собственность ихъ, какъ я уже сказалъ, не располагали, лично или непосредственно, почти никакими юридическими, а, слѣдовательно, и судебными правами помимо своихъ помѣщиковъ, которые замѣняли и заступали ихъ во всемъ.

У бывшихъ же казенныхъ или государственныхъ крестьянъ судебная власть принадлежала „сельской расправѣ“, судьи назывались „добросовѣстными“ и при рѣшеніи дѣлъ руководствовались, главнымъ образомъ, мѣстными своими обычаями и только отчасти—сельскимъ судебнымъ уставомъ и уставомъ о благоустройствѣ и благочиніи въ казенныхъ селеніяхъ; дѣла ими рѣшались безапелляціонно подъ надзоромъ и наблюденіемъ сначала чиновниковъ особыхъ порученій, а потомъ окружныхъ начальниковъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи управленій государственныхъ имуществъ. И хотя юридическая регламентація судопроизводства, постановленія рѣшеній и контроля ихъ почти отсутствовала, но, благодаря тогдашней патріархальной простотѣ жизни и нравовъ нашихъ крестьянъ, расправы эти вполне соответствовали своему назначенію и не вызывали почти никакихъ жалобъ и сѣтованій на правосудіе.

Послѣ же крестьянской реформы, давшей всѣмъ крестьянамъ общія или одинаковыя права и обязанности, распра-

вы эти преобразовались въ теперешніе волостные суды одновременно съ учрежденіемъ ихъ у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ и на томъ же самомъ основаніи, на основаніи общаго положенія о крестьянахъ 1861 года. Такъ что въ началѣ шестидесятыхъ годовъ возникъ уже общій типъ волостныхъ судовъ для обѣихъ категорій крестьянъ, помѣщичьихъ и государственныхъ.

Но и эти суды не далеко ушли въ юридическомъ отношеніи, они также не получили сколько нибудь подробной юридической регламентаціи ихъ дѣятельности. Законодатель, очевидно, придавая особую силу и особое значеніе мѣстнымъ обычаямъ крестьянъ, ограничился установленіемъ для нихъ лишь весьма немногихъ элементарныхъ правилъ судопроизводства и постановленія рѣшеній, и правила эти болѣе воспитательнаго, нежели обязательнаго характера. Имъ предусматривается лишь, что гражданскія дѣла крестьянъ подсудны волостному суду только до ста рублей и если дѣла эти не касаются недвижимой ихъ собственности, приобрѣтенной внѣ падѣла; что уголовныя дѣла между ними подсудны только маловажныя и если въ нихъ не участвуютъ лица другихъ сословій, безъ указанія, впрочемъ, какія именно дѣла слѣдуетъ считать маловажными, но съ указаніемъ вида и мѣры наказанія, и, наконецъ, что судъ входитъ въ разборъ гражданскихъ дѣлъ только по просьбѣ истца, а уголовныя могутъ возникнуть, кромѣ того, и по заявленію должностныхъ лицъ, но что тѣ и другія рѣшаются не иначе, какъ по выслупаніи сторонъ, и только. Все же остальное предоставлено свободному и уже почти безконтрольному усмотрѣнію и убѣжденію судей, обязанныхъ руководствоваться, затѣмъ, уже исключительно мѣст-

ными обычаями крестьянъ, безъ права примѣненія правилъ даже упомянутыхъ уставовъ, которыми сельскія расправы могли руководствоваться. Рѣшенія волостныхъ судовъ, какъ по гражданскимъ, такъ и по уголовнымъ дѣламъ, считаются окончательными и могутъ быть отмѣнены съѣздомъ посредниковъ или присутствіемъ по крестьянскимъ дѣламъ, въ кассационномъ порядкѣ, лишь въ случаѣ нарушенія въ, непроведенныхъ немногихъ правилъ; дальнѣйшее же обжалованіе и въ этихъ случаяхъ не допускается, кромѣ явнаго превышенія власти, по разъясненію сената.

На первыхъ порахъ учрежденія волостныхъ судовъ, вѣриѣе — пока жизнь крестьянъ вообще оставалась еще на прежней степени простоты и однообразія и строй общественно-юридическихъ отношеній ихъ и нравовъ былъ также простой и незатѣйливый, — до тѣхъ поръ и волостные суды, какъ и „сельскія расправы“, относительно недурно исполняли свое.

Но по мѣрѣ того, какъ крестьянская жизнь освобождалась отъ прежней косности и прежняго застоя и выходила на путь прогресса, постепенно раздвигавшаго кругъ міросозерцанія крестьянъ, породившаго новыя задачи и новыя условія ихъ жизни; по мѣрѣ того, какъ она развивалась, разнообразилась и усложнялась во всей своей совокупности, — матеріальномъ, умственномъ и нравственномъ, а, слѣдовательно, и общественно-юридическомъ отношеніяхъ, — волостные суды отставали и чѣмъ дальше, тѣмъ больше теряли прежнее свое значеніе, авторитетъ и довѣріе крестьянъ, такъ какъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше прививались къ нимъ беспорядокъ, произволъ и всевозможныя, явныя и скрытыя злоупотребленія, такъ-что, въ концѣ-концовъ, волостные

суды уже окончательно пали и сдѣлался въ прямую тягость крестьянамъ, какъ тормазъ и серьезная помѣха въ ихъ жизни. Въ особенности это стало ощущаться со времени введенія у насъ новыхъ судебныхъ установленій, еще рельефнѣе отразившихъ, своимъ контрастомъ, системой и благоустройствомъ, всю несостоятельность волостныхъ судовъ.

Кромѣ скудости юридической регламентаціи, устраняющей почти всякій контроль дѣятельности волостныхъ судовъ въ порядкѣ надзора и подчиненности, паденію ихъ немало содѣйствовали и другія причины. Волостные судьи, какъ извѣстно, почти сплошь и рядомъ люди темные, для которыхъ незатѣйливое общее положеніе о крестьянахъ— не малая тайна, которую разоблачаетъ имъ, такъ или иначе, только волостной писарь, а для большинства судей, напримѣръ литовцевъ, и канцелярскій языкъ, на которомъ онъ разъясняетъ имъ нужное и читаетъ рѣшенія, не совсѣмъ понятенъ и доступенъ; должность волостнаго судьи—бесплатная общественная повинность, которой лучшіе крестьяне прямо избѣгаютъ, какъ напрасной траты времени. Такіе судьи, разумѣется, легко дѣлаются орудіемъ и предметомъ эксплуатаціи для мѣстныхъ воротилъ и волостной писарь играетъ тутъ, понятно, главную роль. Онъ въ глазахъ темныхъ и легковѣрныхъ крестьянъ самый умный и свѣдущій человѣкъ, „знаетъ все и можетъ все“, и, поэтому, почти всѣ они, а въ особенности должностныя лица, съ которыми онъ въ особыхъ, обязательныхъ отношеніяхъ по службѣ, подчиняются ему почти безпрекословно, кто изъ угожденія, или чтобы „не подвелъ“, а кто изъ собственного интереса, тѣ и другія, хорошо сознавая, что безъ писаря тутъ ничего не подѣлаешь. Поэтому, судебная функ-

ція, какъ и всѣ остальные въ крестьянскомъ самоуправленіи, фактически находится въ рукахъ его; судьи же, въ большинствѣ случаевъ, играютъ лишь декоративную, чисто формальную роль, хотя и они люди также не безгрѣшные. А такъ какъ, по пословицѣ, „каждому своя рубашка ближе къ тѣлу“, и „одинъ Богъ безъ грѣха“, то и сложилось у крестьянъ фактически вполнѣ вѣрное убѣжденіе, что скупому и бѣдному нечего и затѣвать дѣла въ „канцеляріи“, какъ они называютъ волостное правленіе вообще.

Если, какъ говорится, „попадетъ коса на камень“, то тяжбѣ не бываетъ конца, дѣло рѣшается и перерѣшается на разные лады, смотря по обстоятельствамъ.... въ концѣ концовъ обѣ стороны устаютъ и разоряются и часто бросаютъ тяжбу безъ всякой развязки, или, уже запутанную до нельзя, переносятъ въ общія судебныя мѣста, измѣнивши цѣну или форму иска. Впрочемъ, если одна изъ сторонъ болѣе дѣятельна и щедра, то развязка дѣла наступаетъ скорѣе и рѣшительнѣе, хотя другой почти всегда приходится разводить руками, охать и скорбѣть напрасно отъ горя и досады. Поэтому, не заручившись предварительно успѣхомъ, подготовкой и подтасовкой волостныхъ судей и пр., рѣдко кто заводитъ дѣло въ волостномъ судѣ, да и заводить его, въ большинствѣ случаевъ, было бы дѣйствительно напрасно, въ особенности, если противникъ, какъ говорится, „не промахъ“ и „не любитъ дремать“.

Что же касается надзора мировыхъ посредниковъ, ихъ сѣздовъ или присутствій по крестьянскимъ дѣламъ и ихъ членовъ, то мировые посредники и члены присутствій, по положенію о крестьянахъ, не имѣютъ ровно никакой власти по отношенію къ волостнымъ судьямъ и могутъ вліять

на нихъ только косвенно, посредствомъ писаря и наставленій; но тамъ, гдѣ идетъ живая борьба жгучихъ интересовъ, какъ въ судебныхъ дѣлахъ, съ этимъ далеко не уйдешь вообще, а въ данномъ случаѣ въ особенности. Съѣздовъ же и присутствій контроль ограниченъ лишь нѣсколькими случаями, предусмотрѣнными правилами объ отмѣнѣ рѣшеній волостныхъ судовъ, а именно: неподсудностью дѣла по той или другой причинѣ, невызовомъ участвующихъ въ немъ лицъ, вѣрнѣе, сторонъ и превышеніемъ власти при назначеніи наказанія—только. Во всемъ же остальномъ судьи дѣйствуютъ уже по убѣжденію и по усмотрѣнію, т. е. часто произвольно и несправедливо и всегда безнаказанно, такъ какъ не установлено закономъ никакой дисциплинарной власти надъ ними, а о преданіи суду ихъ, за тѣ или другія неправильности и злоупотребленія по должности, у насъ что-то не слышно за все время существованія волостныхъ судовъ. Между тѣмъ какъ приличный судебный урокъ былъ бы самымъ лучшимъ назиданіемъ и примѣромъ дѣятелямъ крестьянскаго самоуправленія и, слѣдовательно, самымъ лучшимъ средствомъ противъ теперешнихъ всевозможныхъ, часто вопіющихъ, злоупотребленій, привившихся и развившихся, главнымъ образомъ, благодаря безнаказанности ихъ. Если и благоустроенныя учрежденія иногда нуждаются въ этомъ, то волостные суды—и подавно. Поэтому крестьяне какъ могутъ обходить волостные суды съ своими дѣлами, въ особенности съ правильными, которыя всегда стараются подчинить или мировому судѣ, или окружному суду, смотря по удобству и юридической возможности, измѣняя для этого цѣну или форму иска, въ чемъ немало приходится изощряться мѣстной адвокатурѣ.

Такое положеніе дѣла, очевидно, приводитъ неизбѣжно къ заключенію о необходимости судебной и законодательной реформы для крестьянскихъ дѣлъ въ той или другой формѣ. Кажется, цѣлесообразнѣе всего было бы волостные суды упразднить, а всѣ крестьянскія дѣла и правовыя ихъ отношенія подчинить общимъ законамъ и общимъ судамъ, въ пользу чего, безъ сомнѣнія, говоритъ и долгая практика послѣдняго времени. Крестьянская жизнь, а, слѣдовательно, и вытекающіе изъ нея экономическіе и общественные интересы, права и отношенія крестьянъ, благодаря послѣднимъ реформамъ, въ особенности крестьянской освободительной, податной (упразднившей подушную подать) и по отправленію воинской повинности, какъ выше сказано, уже вполнѣ объединилась съ жизнью, правами и интересами остальныхъ земледѣльческихъ и ремесленныхъ сословій государства, стоящихъ на одномъ экономическомъ и общественномъ уровнѣ съ крестьянами, и если не во всѣхъ подробностяхъ, то во всемъ существенномъ. Поэтому, патріархальные волостные суды, основанные исключительно на весьма шаткомъ убѣжденіи и усмотрѣніи темныхъ, невѣжественныхъ судей и на неопредѣленномъ, измѣнчивомъ и, отчасти уже отжившимъ свое время, мѣстномъ крестьянскомъ обычаѣ, равняющемся также усмотрѣнію и произволу тѣхъ же судей и ихъ явныхъ и закулисныхъ руководителей, очевидно не могутъ соответствовать своему назначенію и удовлетворить современную жизнь крестьянъ, сплошь и рядомъ избѣгающихъ своихъ судовъ и предпочитающихъ имъ общія судебныя мѣста, мировыя и окружныя, какъ выше сказано.

Спеціальныя же крестьянскіе суды, въ теперешней или другой какой либо формѣ, можно было бы сохранить, только примѣнивъ къ нимъ общія правила матеріальнаго и процессуальнаго права съ нѣкоторыми лишь, необходимыми измѣненіями и дополненіями въ нихъ, съ тѣмъ непремѣннымъ условіемъ, чтобы въ суды допускались крестьяне, болѣе или менѣе грамотные, прошедшіе какую либо школу или выдержавшіе извѣстное испытаніе; такіе крестьяне теперь уже въ каждой волости найдутся и чѣмъ дальше, тѣмъ больше ихъ, благодаря уѣзднымъ, городскимъ, приходскимъ и народнымъ училищамъ; причемъ волостнымъ судьямъ слѣдовало бы назначить извѣстное жалованье, а чтобы атимъ особенно не обременить крестьянъ,—волости въ судебномъ отношеніи можно было бы объединить, т. е. одному волостному суду подчинить нѣсколько сосѣднихъ волостей, смотря по удобству и целесообразности. Вместе съ тѣмъ необходимо было бы подумать и объ улучшеніи въ умственномъ и нравственномъ отношеніи волостныхъ писарей, играющихъ, какъ извѣстно, главную роль въ крестьянскомъ самоуправленіи вообще, а въ судебныхъ дѣлахъ — въ частности, но объ этомъ ниже будетъ особая рѣчь.

Что же касается реформы 1887 года, то реформа эта, какъ извѣстно, еще далеко не повсемѣстно введена,—не введена она, напримѣръ, еще во всемъ Сѣверо-Западномъ краѣ, котораго, главнымъ образомъ, и касается настоящій очеркъ, и вызванный ею новый рядъ вещей, являясь пока переходнымъ, еще не вполне опредѣлился и о немъ, слѣдовательно, дѣлать окончательные выводы и заключенія пока еще преждевременно.

О п е к а.

Какъ извѣстно, опека надъ лицами и ихъ имуществомъ, по правиламъ гражданскихъ законовъ, учреждается по ихъ малолѣтству, сумасшествію или безумію и расточительности, и какъ важность, такъ и необходимость этого учрежденія для всѣхъ сословій и положеній очевидны всякому. Между тѣмъ, учрежденіе это, какъ и судъ, у нашихъ крестьянъ является скорѣе номинальнымъ, чѣмъ дѣйствительнымъ, и въ примѣненіи на практикѣ часто ведетъ къ результатамъ, обратнымъ цѣли.

Въ то время, какъ цѣлый рядъ статей X т. ч. I (съ 225 по 296 ст. включительно) категорически и подробно опредѣляетъ порядокъ учрежденія и веденія опеки у дворянъ и мѣщанъ: опись имущества, выборъ и назначеніе опекуновъ, веденіе ими дѣлъ и хозяйства малолѣтнихъ, физическое и нравственное воспитаніе ихъ, подробный отчетъ обо всемъ,—ежегодный и общій за все время существованія опеки,—наконецъ, гражданскую и уголовную отвѣтственность опекуновъ за тѣ или другія неправильности и злоупотребленія и все это подъ постояннымъ и непосредственнымъ надзоромъ и руководствомъ правильно организованныхъ учрежденій, дворянской опеки и сиротскаго суда, во главѣ предводителя дворянства и городского головы, учрежденій, въ свою очередь подчиненныхъ контролю и надзору высшей губернской администраціи и даже правительствующаго сената, въ извѣстныхъ, важнѣйшихъ случаяхъ; словомъ, въ то время, какъ дѣло опеки у дворянъ и мѣщанъ получило болѣе или менѣе правиль-

ную организацію и опредѣленный юридическій и практическій строй, если не всегда исполнѣ, то всегда въ возможной степени обезпечивающіе личные и матеріальные интересы опекаемыхъ,—объ опекѣ у крестьянъ вкратцѣ упоминается лишь въ двухъ примѣчаніяхъ къ 21 и 51 статьямъ общаго положенія о крестьянахъ,—примѣчаніяхъ, не дающихъ почти никакой регламентаціи дѣлу опеки и подчиняющихъ его всецѣло, въ основаніи и подробностяхъ, какъ и судебныя дѣла, опять-таки мѣстному обычаю крестьянъ, равносильному, какъ выше сказано, личному усмотрѣнію и произволу, плохимъ руководителямъ въ чужомъ дѣлѣ вообще, а въ дѣлѣ распоряженія чужой собственностью, какъ въ данномъ случаѣ, въ особенности. Въ первомъ изъ этихъ примѣчаній (къ 21-й статьѣ) говорится, что „попеченіе о личности и имуществѣ малолѣтнихъ сиротъ возлагается на обязанность сельскихъ обществъ; въ назначеніи опекуновъ и попечителей, въ повѣркѣ ихъ дѣйствій и во всѣхъ сего рода дѣлахъ крестьяне руководствуются мѣстными своими обычаями. Но еслибы въ распоряженіяхъ міра родственники малолѣтняго усмотрѣли что либо, клонящееся къ его ущербу, то они могутъ обращаться къ защитѣ мирового посредника“, а примѣчаніе къ 51-й статьѣ: „впредь до пересмотра существующихъ узаконеній объ опекахъ“, опредѣляетъ лишь порядокъ продажи принадлежащаго малолѣтнему имущества вообще и жизненныхъ припасовъ и вещей, скорому тлѣнію и другимъ тратамъ подверженныхъ въ частности, — и только. Все же остальное, во всей своей обширной совокупности, какъ изъ предыдущаго видно, подчинено мѣстному обычаю крестьянъ, вѣрнѣе—совѣсти и личному усмотрѣнію опекуновъ.

Отсюда, какъ логическое и неизбѣжное слѣдствіе такого порядка вещей, въ дѣлахъ крестьянской опеки является неопредѣленность и безурядица и дѣла этого рода носятъ чисто случайный характеръ, зависящій въ каждомъ данномъ случаѣ отъ дѣйствующихъ лицъ.

Прежде всего, о душевно-больныхъ и расточителяхъ, нуждающихся въ правильной общественной опекѣ, очевидно, не меньше малолѣтнихъ, въ выше приведенномъ законѣ, какъ и вообще въ положеніи о крестьянахъ, не говорится ничего и на практикѣ лица эти въ дѣлѣ крестьянской опеки неизвѣстны. Душевно-больные и ихъ имущество или остаются подъ надзоромъ и попеченіемъ своихъ семействъ и родственниковъ, безъ особой юридической опеки и всякаго вмѣшательства со стороны сельскаго общества, или же, по распоряженію волостнаго правленія, отправляются въ домъ умалишенныхъ, смотря по состоянію больного, и если осталось послѣ нихъ у родственниковъ какое либо имущество, то на счетъ ихъ, а въ противномъ случаѣ—на счетъ общества помѣщаются они тамъ, какъ и вообще опасно или неизлѣчимо больные крестьяне. Относительно же расточителей, пьяницъ и вообще мотовъ роль схода ограничивается лишь тѣмъ, что составляется приговоръ объ устраненіи такого расточителя отъ дѣлъ и хозяйства, если онъ хозяинъ—глава семьи, и подчиняется онъ не только экономически, но и лично одному изъ второстепенныхъ членовъ семьи, назначенному хозяиномъ, также безъ учрежденія особой опеки и безъ дальнѣйшаго вмѣшательства въ ихъ дѣла со стороны сельскаго общества. Впрочемъ, такіе приговоры сходовъ, по той или другой причинѣ, часто остаются безъ исполненія, которое вообще

не легко дается въ этихъ случаяхъ, а хозяйство расточителемъ-мотомъ, между тѣмъ, приводится къ дальнѣйшему упадку и раззоренію, и семья обездоливается.

Опека же надъ осиротѣвшими малолѣтними назначается сходомъ по заявленію родственниковъ ихъ, сосѣдей или мѣстныхъ должностныхъ лицъ, но лишь въ томъ случаѣ—если у осиротѣвшихъ малолѣтнихъ есть какое либо имущество, общее или особое; если же никакого имущества у нихъ нѣтъ, то опека, матеріальный элементъ которой здѣсь явно преобладаетъ надъ личнымъ и нравственнымъ, почти никогда не назначается, а если и назначается, то весьма рѣдко и не во всѣхъ волостяхъ. Объ учрежденіи опеки и назначеніи опекуновъ составляется сходомъ приговоръ, который записывается въ особую для этого книгу, назначается обыкновенно не менѣе трехъ опекуновъ, преимущественно изъ родственниковъ малолѣтнихъ; при выборѣ ихъ мало обращается вниманія или совсѣмъ не обращается никакого на личные качества кандидатовъ, и если не всегда, то весьма часто попадаютъ въ опекуны люди, несоотвѣтствующіе такому назначенію, такъ какъ лучшіе крестьяне прямо избѣгаютъ этой повинности, какъ бесплатной и занимающей если не послѣднее, то второстепенное мѣсто въ сельской іерархіи. Малолѣтніе считаются сиротами, нуждающимися въ посторонней опекѣ, и при наличности матери ихъ — вдовы, которая, какъ и вообще женщины у крестьянъ, считается неспособной къ самостоятельной, независимой жизни въ хозяйственно-экономическомъ отношеніи, почему она рѣдко попадаетъ въ число опекуновъ, которымъ почти всегда сама подчиняется, какъ она и вообще подчинена въ дѣловой жизни крестьянъ. Со-

ставляется оставшемуся имуществу опись, росписываются въ принятіи его опекуны и роль селскаго схода, какъ опекунскаго учрежденія, заканчивается разъ навсегда, такъ, какъ уже не всегда и не во всѣхъ волостяхъ возбуждается вопросъ и о прекращеніи опеки за наступленіемъ совершеннолѣтія опекаемыхъ или истеченіемъ въ ней фактической надобности, когда несовершеннолѣтняя, навримѣръ, вышла замужъ или бывшій подъ опекой, хотя и не достигъ установленнаго совершеннолѣтія, но фактически уже можетъ вести и ведетъ самостоятельно небольшое и незатѣливое свое хозяйство и сопряженные съ нимъ такіа же дѣла: оба эти момента,—закономъ установленное совершеннолѣтіе и фактическая зрѣлость,—въ селской юрисдикціи смѣшиваются и имѣютъ одинаковое значеніе. Итакъ, роль селскаго схода заканчивается и начинается дѣятельность опекуновъ.

Такъ какъ, съ одной стороны, приговоры объ опекахъ, какъ и всякіе другіе, пишутся, какъ извѣстно, волостными писарями по формѣ, унаслѣдованной ими отъ далекихъ предковъ, развѣ съ нѣкоторыми лишь перемѣнами и отступленіями въ способѣ изложенія или оборотахъ рѣчи, и то не всегда, и въ нихъ, какъ и въ положеніи о крестьянахъ, о правахъ и обязанностяхъ опекуновъ, т. е. о какой либо регламентаціи ихъ дѣятельности или совершенно ничего не говорится, или говорится только вскользь, вкратцѣ и какъ бы мимоходомъ, и, съ другой стороны, въ опекуны попадаютъ въ большинствѣ случаевъ, какъ выше сказано, люди, несоотвѣтствующіе такому назначенію,—то, во-первыхъ, здѣсь уже все зависитъ отъ усмотрѣнія и совѣсти опекуновъ, часто идущихъ въ разрѣзъ съ интересами малолѣт-

нихъ, и потому, во-вторыхъ, интересы ихъ отъ этого иногда серьезно страдаютъ. Если малолѣтніе сироты остались на особомъ хозяйствѣ и старшій изъ нихъ не можетъ еще какъ-нибудь вести его и исполнять полевые работы, то земля ихъ опекунами обыкновенно отдается въ аренду, движимость или продается и деньги идутъ на погашеніе „спорныхъ“ и безспорныхъ долговъ, которые рѣдко за умершими родителями малолѣтнихъ не считаются, недоимокъ, если онѣ оказываются, и на поддержаніе строеній,—на храненіе же и проценты рѣдко попадаютъ,—или же берется опекунами къ себѣ на храненіе, а малолѣтніе сироты, если они самимъ опекунамъ не нужны, отдаются на службу (обыкновенно въ пастухи) сосѣднимъ крестьянамъ, чѣмъ, обыкновенно, и ограничивается опекуновское попеченіе объ нихъ; про школьное же образованіе и нравственно-практическое воспитаніе состоящихъ подъ опекою малолѣтнихъ—крестьянъ, независимо матеріальнаго ихъ положенія и вообще существующей къ тому возможности, у насъ что-то не слышно, а если и случается такая роскошь, то какъ весьма рѣдкое исключеніе. Въ дѣятельности опекуновъ вообще не мало бываетъ закулиснаго и неблаговиднаго, въ особенности, если у малолѣтнихъ хорошее хозяйство и приходится имѣть дѣло,—счета и расчеты,—съ должниками и кредиторами ихъ родителей; вслѣдствіе этого болѣе честный изъ опекуновъ, въ большинствѣ случаевъ, становится опекуномъ только по имени, предоставляя равнодушно дѣло опеки въ безотчетное распоряженіе остальныхъ, чтобы не ссориться и не возиться съ ними и не терять напрасно времени изъ-за *чужаго* дѣла, и отъ этого хозяйство малолѣтнихъ, неизбѣжно, приходитъ въ упадокъ и

раззореніе и, такимъ образомъ, народная поговорка, что „опека очи выпека“ вполне оправдывается. Однако, совершенно иначе бываетъ—если малолѣтніе остаются или въ общей семьѣ родителей, не успѣвшихъ выдѣлиться, или при матери, продолжающей такъ или иначе вести оставшееся хозяйство при помощи наемныхъ рукъ: въ обоихъ этихъ случаяхъ опека, если она бываетъ назначена, встрѣчая въ своихъ незаконныхъ затѣяхъ и посползновеніяхъ своевременный и надлежащій отпоръ, остается лишь номинальной. Настоящая же или истинная опека, вполне добросовѣстная, безкорыстная и заботливая, во всякомъ случаѣ, счастливое исключеніе у крестьянъ.

Хотя сельскій сходъ, какъ ближайшее и непосредственное опекунское учрежденіе, не только вправѣ, по спеціальному закону общаго положенія о крестьянахъ, но и обязанъ, по прямой аналогіи общихъ гражданскихъ законовъ, аналогіи, отчасти признанной и сенатомъ въ отдѣльныхъ случаяхъ, тщательно провѣрять и контролировать дѣйствія опекуновъ, требуя отъ нихъ обо всемъ подробныхъ отчетовъ ежегодныхъ и общихъ, съ гражданскими и уголовными послѣдствіями за неправильности и злоупотребленіе,—но объ этомъ, однако, почти никогда не бываетъ и рѣчи, а если иногда и бываетъ, то обыкновенно кончается ничѣмъ или одной канцелярской процедурой. Если же, вслѣдствіе жалобы кого либо со стороны малолѣтнихъ, иногда и возникаетъ въ крестьянскихъ учрежденіяхъ дѣло о тѣхъ или другихъ неправильныхъ дѣйствіяхъ опекуновъ и объ учетѣ ихъ, то обыкновенно оно кончается лишь замѣною провинившихся опекуновъ другими, хотя бы неправильности ихъ и злоупотребленія были и очевидны.

Такое индифферентное отношеніе сельскаго схода, единственнаго опекунскаго учрежденія у крестьянъ, къ судьбѣ осиротѣвшихъ, слѣдовательно, безпомощныхъ своихъ членовъ, объясняется, во-первыхъ, отсутствіемъ въ положеніи о крестьянахъ подробнаго по сему предмету руководящаго закона, котораго, очевидно, не можетъ успѣшно замѣнить неопредѣленный и необязательный обычай; кромѣ того, единственнымъ толкователемъ законовъ въ крестьянскомъ самоуправленіи, какъ извѣстно, является тотъ же волостной писарь, строго придерживающійся *буквы* закона и вообще далекій отъ пониманія *цѣли и основанія* его. Во-вторыхъ, индифферентность схода объясняется недостаткомъ у крестьянъ сознанія нравственнаго долга въ опекунскихъ дѣлахъ по отношенію къ осиротѣвшимъ своимъ членамъ, отсутствіемъ личнаго интереса въ дѣлахъ этого рода, какъ побудительной причины, отсутствіемъ всякой отвѣтственности схода въ порядкѣ подчиненности въ дѣлахъ опеки и, наконецъ, недостаткомъ инициативы и единства, присущимъ крестьянскимъ сходамъ вообще, недостаткомъ, который можно замѣнить если не вполнѣ, то, по крайней мѣрѣ, отчасти лишь подробной регламентаціей закона, могущаго, кстати, современемъ привить крестьянамъ и оба эти качества: инициативу и единство, въ особенности такъ необходимыя въ собирательныхъ учрежденіяхъ, каковыми являются крестьянскіе сходы, сельскіе и волостные. Теперь же сходы эти часто оправдываютъ басню Крылова: „Лебедь, Щука и Ракъ“, съ тою лишь разницею, что тамъ, вслѣдствіе разнородности стремленій, возъ остался на мѣстѣ и, вѣроятно, цѣлъ, а тутъ иногда разрываютъ его на части.

Если контроль, отчетъ и отвѣтственность опекуновъ, гражданская и уголовная, нужны и практикуются у дворянъ и мѣщанъ, то чѣмъ же объяснить, а тѣмъ болѣе оправдать, отсутствіе ихъ у крестьянъ, для которыхъ, какъ еще мало подготовленныхъ къ общественной дѣятельности, мѣры эти, очевидно, еще болѣе нужны, чѣмъ тамъ.

Слѣдовательно, чтобы привести дѣло крестьянской опеки въ возможный порядокъ и, такимъ образомъ, приблизить его къ цѣли, слѣдовало бы общія правила гражданскихъ законовъ (X т. ч. I) объ опекахъ, заключающія въ себѣ всѣ условія для этого, подробно разъясненныя долголѣтней практикой спеціальныхъ учреждений и правительствующаго сената, распространить и на крестьянскія учрежденія. Опять-таки, въ виду совершившагося уже во многихъ отношеніяхъ юридическаго и фактическаго объединенія сословій и ихъ жизни, личной и матеріальной, отступленій пришлось бы сдѣлать весьма немного. вмѣстѣ съ тѣмъ, въ институтъ крестьянской опеки надлежало бы включить и вопросъ, уже достаточно назрѣвшій, объ опекѣ и призрѣніи незаконнорожденныхъ дѣтей, нуждающихся въ этомъ, очевидно, не меньше другихъ сиротъ, въ особенности тогда, когда лишаются они послѣдней своей опоры—матери, послѣ которой часто также остается то или другое имущество, которое также не должно оставаться на произволъ судьбы, какъ и сами малолѣтніе сироты. Настоятельная необходимость общественнаго призрѣнія и этой категоріи сиротъ вытекаетъ еще и изъ того, что въ крестьянской средѣ, какъ и вообще въ низшихъ слояхъ общества, противъ нихъ существуетъ, какъ извѣстно, сильное, хотя, разумѣется, и совершенно

незаслуженное ими предубѣжденіе, сложившееся вѣками и носящее религіозный характеръ—самый упорный въ народѣ, предубѣжденіе, которое весьма серьезно тяготѣетъ надъ ними и не только въ малолѣтствѣ, но и въ зрѣломъ возрастѣ, служа немалой помѣхой во всей ихъ жизни.

Что же касается душевно-больныхъ, глухонѣмыхъ и разнаго рода расточителей, то опека надъ ними и ихъ имуществомъ правилами общихъ гражданскихъ законовъ (т. X ч. I) предусматрѣна на общемъ основаніи.

Порядокъ наслѣдованія.

Въ дѣлѣ общаго благоустройства, а слѣдовательно и благосостоянія, институтъ наслѣдованія, возникшій, безъ сомнѣнія, одновременно съ понятіемъ о личной собственности, о „моемъ и твоемъ“, во всѣ историческія времена и у всѣхъ народовъ, какъ и другія учрежденія, видоизмѣняясь и принимая разныя формы, сообразно общественному, государственному и экономическому строю, занималъ и занимаетъ весьма видное мѣсто, какъ одно изъ основныхъ условій правильной человѣческой жизни, и неудивительно. Человѣкъ всю свою жизнь, такъ или иначе, трудясь, работая и стремясь къ экономіи и сбереженію, нерѣдко съ самопожертвованіемъ и всевозможными лишеніями, естественно крайне заинтересованъ, съ одной стороны, судьбою накопленнаго имъ, такимъ образомъ, достоянія, а съ другой—будущностью и судьбою близкихъ, вообще дорогихъ ему лицъ послѣ его смерти, тѣмъ, чтобы имущество его, не подвергаясь какимъ либо случайностямъ, достигло именно того назначенія и той цѣли, которыя онъ намѣтилъ и пред-

назначилъ ему. И хотя, поэтому, всегда и вездѣ наследственный вопросъ пользовался и пользуется особымъ вниманіемъ общества и государства, постоянно стремящихся къ возможно справедливому и цѣлесообразному рѣшенію его на началахъ нравственности и гуманизма, однако юридическій порядокъ наследованія, какъ и большинство подобныхъ учрежденій, и до сихъ поръ не можетъ похвалиться своей непогрѣшимостью, хотя бы относительной полнотой и цѣлесообразностію регламентаціи; почему онъ и до сихъ поръ живо занимаетъ общество, государство и ихъ органы: законодательные, судебные и административные.

И въ крестьянскомъ быту наследственный вопросъ, въ частности, также имѣетъ свою исторію развитія, хотя, опять-таки, не такую длинную и сложную, но, безъ сомнѣнія, такого же житейскаго значенія, какъ и вообще, значенія, которое также усложняется и увеличивается по мѣрѣ того, какъ развивается и совершенствуется, разнообразится и усложняется общественно-экономическая, а, слѣдовательно, и юридическая жизнь сельчанъ во всей своей обширной совокупности.

Между тѣмъ, если общая система наследованія не достигла у насъ желаемой *законченности и полноты*, то, въ частности, крестьянское наследованіе не имѣетъ уже *никакой* законодательной нормировки и регламентаціи. Объ этомъ, какъ-бы мимоходомъ, упоминается лишь въ 38 ст. общаго положенія о крестьянахъ и въ 166 ст. положенія о выкупѣ ихъ надѣловъ: въ первой, что „въ порядкѣ наследованія имуществомъ крестьянамъ дозволяется руководствоваться *мѣстными своими обычаями*“, а во второй —

что „крестьянскіе надѣлы переходятъ по наслѣдству согласно мѣстнымъ обычаямъ“, — только; относительно же порядка наслѣдованія всякого другого имущества, движимаго и недвижимаго, въ крестьянскихъ законоположеніяхъ не говорится уже ни слова. Такъ—что вся обширная и разнообразная область наслѣдственныхъ правъ и обязанностей и вытекающихъ отсюда дѣлъ и вопросовъ также подчинена, слѣдовательно, пресловутому мѣстному обычаю, т. е. случайному и неопредѣленному усмотрѣнію и доброй волѣ крестьянъ и ихъ учрежденій, какъ извѣстно, не отличающихся ни послѣдовательностью, ни безупречностью своей дѣятельности и далеко не оправдавшихъ такихъ широкихъ полномочій и ожиданій законодателя.

Впрочемъ, на первыхъ порахъ самостоятельной, послѣ-реформенной жизни крестьянъ, общественной и экономической, до тѣхъ поръ, пока она, опять-таки, оставалась еще въ прежней замкнутости и на прежней степени простоты и однообразія,—такое положеніе дѣла, дѣйствительно, не вызывало особыхъ затрудненій при регулированіи и рѣшеніи несложныхъ наслѣдственныхъ дѣлъ и вопросовъ. Но по мѣрѣ того, какъ крестьянская жизнь, какъ и въ предыдущихъ случаяхъ, освобождалась отъ прежней косности и замкнутости и выходила на общую арену жизни и дѣятельности, прогресса и цивилизаціи, развиваясь и усложняясь въ экономическомъ, общественномъ, а, слѣдовательно, и въ нравственно-юридическомъ отношеніяхъ, то есть, по мѣрѣ того, какъ она проникалась и ассимилировалась общесловными и, слѣдовательно, общечеловѣческими элементами,—крестьянскія наслѣдственные дѣла, права и интересы ихъ, разумѣется, также усложнялись и разно-

образились, для которыхъ обычай и усмотрѣніе, какъ основаніе и средство регламентаціи и рѣшенія наследственныхъ дѣлъ и вопросовъ, чѣмъ дальше, тѣмъ больше и рельефнѣе становились недостаточными и недостигающими цѣли, какъ и въ судебныхъ и опекунскихъ дѣлахъ.

Отсюда въ наследственныхъ правовыхъ отношеніяхъ крестьянъ крайняя неопредѣленность, запутанность и непримѣримыя противорѣчія, въ особенности—что касается главнаго ихъ имущества—земли. Въ одномъ случаѣ, напримѣръ, права владѣнія и пользованія семейнымъ участкомъ распредѣляются по числу равноправныхъ членовъ семьи мужскаго пола, *непосредственно* участвовавшихъ въ полученіи надѣла, и наследники ихъ, дѣти и вдовы, наследуютъ уже ихъ доли *безусловно*, т. е. независимо числа наследниковъ. Каждого изъ нихъ въ отдѣльности, следовательно, такъ, какъ это установлено правилами общихъ гражданскихъ законовъ (X т. ч. I). А въ другомъ случаѣ, наоборотъ, права эти уже распредѣляются по числу наличныхъ членовъ семьи, независимо правъ, принадлежавшихъ ихъ предкамъ, следовательно уже на особомъ основаніи, которое, пожалуй, можно назвать и обычаемъ, причемъ женщины, въ обоихъ случаяхъ, то принимаются въ расчетъ и получаютъ долю земли, то нѣтъ. Далѣе, въ одномъ случаѣ наследственное право на землю послѣ родителей и братьевъ за женщинами признается, а въ другомъ—нѣтъ, и въ одномъ случаѣ право это признается безусловно, а въ другомъ—замужнія женщины исключаются. Наконецъ, въ одномъ случаѣ надомники-примаки и ихъ дѣти, а также незаконорожденные къ наследству допускаются, а въ другомъ—нѣтъ. И такія противорѣчія, сплошь и рядомъ повторяются въ одной и

той же волости, даже въ одномъ и томъ же сельскомъ обществѣ. Въ свою очередь, разнообразіе это и противорѣчія эти неизбѣжно переходятъ и въ суды, и не только въ волостные, но и общіе, такъ какъ въ крестьянскихъ дѣлахъ этого рода и для послѣднихъ нѣтъ никакого критеріума, никакого руководящаго принципа: разъ представляется приговоръ волостного или сельскаго схода *за*, а потомъ *противъ* существованія у крестьянъ того или другого наследственного обычая, на которомъ сторона основываетъ свои права и требованія. Такіе противоположные приговоры часто встрѣчаются даже по одному и тому же дѣлу: сельскій сходъ, на примѣръ, утверждаетъ одно, а волостной—совершенно другое, такъ-что суду почти всегда ставится неразрѣшимая диллема: съ одной стороны законъ, по которому крестьянскія наследственные права, какъ выше сказано, должны опредѣляться *исключительно* мѣстнымъ обычаемъ, на основаніи котораго, слѣдовательно, должны рѣшаться и возникающіе объ нихъ споры, а съ другой стороны—полная неопредѣленность и даже неизвѣстность этого обычая. Путаница эта не мало усложняется и корыстными поползновеніями крестьянскихъ руководителей и воротилъ, въ числѣ которыхъ первыми являются, понятно, должностныя ихъ лица, какъ старшина и писарь, но писарь въ особенности.

Вслѣдствіе этого, крестьяне по дѣламъ своимъ о наследствѣ, какъ и во всѣхъ юридическихъ случаяхъ жизни, то и дѣло ищутъ и доискиваются „законовъ“, приличныхъ случаю, чѣмъ не мало-таки утруждаютъ они сельскую адвокатуру, также не находящую нигдѣ удовлетворительнаго отвѣта, безпомощно и безуспѣшно лавирующую и изощря-

ющуюся въ предположеніяхъ, догадкахъ и умозрительныхъ обобщеніяхъ, по аналогіи и подобію, не всегда ведущихъ кліента къ цѣли, чаще—къ горькому разочарованію, напрасной волокитѣ и безцѣльнымъ издержкамъ. Въ виду этого и суды,—какъ мировые, такъ и общіе,—въ послѣднее время все чаще и чаще стали примѣнять къ крестьянскимъ наслѣдственнымъ дѣламъ, какъ и вообще къ судебнымъ ихъ спорамъ, *общія правила процессуальнаго и матеріальнаго права*, по аналогіи и необходимости.

Все это въ совокупности ведетъ къ тому же неизбѣжному заключенію, что крестьянскія наслѣдственныя права и вытекающіе изъ нихъ споры, какъ и весь ихъ юридическій строй, необходимо было бы подчинить дѣйствію общихъ законовъ, и это является не только крайне нужнымъ и желательнымъ, но, съ нѣкоторыми лишь отступленіями, и вполнѣ возможнымъ, по тѣмъ же соображеніямъ, что крестьянская жизнь и въ этомъ отношеніи уже совершенно слилась и объединилась съ жизнью остальныхъ сословій сельскаго населенія, какъ, напримѣръ, мѣщанъ и дворянъ-землепашцевъ, подчиненныхъ общимъ законамъ гражданскимъ и уголовнымъ наравнѣ со всѣми классами общества, и вполнѣ успѣшно.

Волостные писаря и сельская адвокатура.

Но въ числѣ мѣръ улучшенія юридической, какъ и вообще правовой и экономической жизни нашихъ сельчанъ, далеко не послѣднею мѣрою является подъемъ и улучшение, во-первыхъ, волостныхъ писарей, играющихъ въ ней,

какъ уже сказано, очень важную роль, и не только собственно въ крестьянскомъ самоуправленіи, но и вообще въ юридической, дѣловой жизни сельчанъ; во-вторыхъ, сельской адвокатуры, играющей здѣсь также немаловажную, хотя уже и болѣе отдаленную роль.

ПИСАРЯ.

Среди темнаго и несвѣдущаго, а, слѣдовательно, и простодушнаго сельскаго населенія, волостной писарь пользуется очень большимъ значеніемъ и авторитетомъ, какъ самый умный и свѣдущій человѣкъ въ его глазахъ, въ особенности въ волостяхъ, болѣе или менѣе отдаленныхъ отъ мѣстныхъ жизненныхъ центровъ, городовъ и мѣстечекъ, гдѣ сосредоточены присутственныя мѣста, начальство и адвокатура. Поэтому, съ одной стороны, всѣ функціи крестьянскаго самоуправления,—судебная, административная и хозяйственная,—фактически сосредоточены въ его рукахъ и только иногда дѣлитъ онъ свою узурпацію съ грамотнымъ старшиною и другими мѣстными воротилами, [съ которыми необходимо ему считаться, а съ другой стороны—почти во всѣхъ случаяхъ жизни юридическаго характера сельчанинъ-землепашецъ такой волости, будь онъ крестьянинъ или кто нибудь другой, прежде всего обращается за совѣтомъ и помощью къ писарю, отъ котораго, въ большинствѣ случаевъ, уже и зависитъ какъ разрѣшеніе возникшаго сомнѣнія въ томъ или другомъ смыслѣ, такъ и самое направленіе дѣла. Остальные же интеллигенты деревни: священникъ, ксендзъ, народный учитель и др., не находясь въ такихъ близкихъ и постоянныхъ *дѣловыхъ* отношеніяхъ къ крестьянамъ, какъ онъ, играютъ въ этомъ отношеніи

гораздо меньшую роль, по крайней мѣрѣ, въ большинствѣ случаевъ.

Между тѣмъ, подготовка большинства писарей,—общее ихъ развитіе и юридическія познанія, — далеко несоотвѣтствуетъ такой ихъ роли. И до сихъ поръ еще преобладаютъ такіе писаря, которые не только безъ всякаго школьнаго образованія, но и вообще безъ всякаго саморазвитія и, кромѣ плохой канцелярщины, унаслѣдованной чисто эмпирическимъ путемъ отъ далекихъ предковъ, мало что знаютъ и мало чѣмъ интересуются, чувствуя себя и безъ того хорошо среди массъ, еще болѣе невѣжественныхъ. Почему большинство вопросовъ крестьянской, какъ и вообще сельской жизни, часто весьма важныхъ и существенныхъ, рѣшаются ими, такъ-сказать, съ плеча, т. е. вкривъ и вкосъ и какъ попало, хотя онъ за „свой трудъ“ гораздо требовательнѣе другихъ, благодаря монополіи, которою онъ пользуется въ волости. Отсюда анти-юридическихъ и анти-экономическихъ послѣдствій безчисленное множество и они, разумѣется, лучше всего извѣстны тѣмъ, кто ихъ непосредственно несетъ и переживаетъ: сельчанамъ-землепашцамъ вообще, а крестьянамъ въ особенности.

До крестьянской освободительной реформы 1861 года, когда волостями бывшихъ казенныхъ или государственныхъ крестьянъ завѣдывали окружные начальники вѣдомства управленія государственными имуществами, — сельскіе писаря изъ мѣстныхъ крестьянъ готовились въ канцеляріи этихъ начальниковъ и назывались „мальчиками“. Мальчики эти чрезъ извѣстное время, въ зависимости, разумѣется, отъ сдѣланнаго ученикомъ успѣха, назначались сначала въ помощники сельскихъ писарей, а потомъ, такъ

же чрезъ извѣстное время и, понятно, лучшіе изъ нихъ, производились уже въ писаря, какъ уже совершенно прошедшіе канцелярскій курсъ и канцелярскую выправку, дававшіе имъ, кромѣ того, и другія преимущества. Сельскіе писаря и ихъ помощники, напримѣръ, освобождались отъ тѣлеснаго наказанія: привилегія, которою пользуются теперь, какъ извѣстно, только крестьяне, окончившіе, по крайней мѣрѣ, курсъ уѣзднаго или городского училища.

Впрочемъ, писарскіе курсы состояли изъ простаго канцелярскаго упражненія въ письмоводствѣ, безъ всякой какой-либо теоретической подготовки, и потому прежніе сельскіе писаря, по спеціальнымъ познаніямъ и общему развитію, ничѣмъ не отличались отъ большинства теперешнихъ волостныхъ писарей-самоучекъ.

Послѣ-же крестьянской реформы, когда окружныя начальники смѣнились теперешними крестьянскими учрежденіями, писарскіе курсы прекратились и должности волостныхъ писарей стали замѣщаться вообще людьми, болѣе или менѣе знающими канцелярское дѣло. Преимущество, впрочемъ, по-прежнему сохранилось за помощниками ихъ, но уже помощниками новаго типа.

Хотя, впрочемъ, составъ писарей въ послѣднее время замѣтно сталъ улучшаться переходомъ въ это сословіе народныхъ учителей и другихъ лицъ, получившихъ то или другое школьное образованіе, однако, большинство ихъ, какъ уже сказано, еще прежняго типа, не вполне соответствующаго той роли, которую они въ сущности играютъ въ дѣлахъ, а, слѣдовательно, и судьбахъ сельскаго населенія.

Въ виду такого важнаго значенія волостныхъ писарей, общественнаго и государственнаго, дальнѣйшій подъемъ этого сословія въ нравственномъ и образовательномъ отношеніи не только очень желателенъ и необходимъ, но и вполне возможенъ. Отдавая преимущество на эту должность людямъ, получившимъ школьное образованіе, если не средняго учебнаго заведенія, то, по крайней мѣрѣ, не ниже курса уѣзднаго или городского училища,—такъ какъ на людей съ высшимъ образованіемъ трудно рассчитывать, — трезваго и хорошаго поведенія, улучшенія этого современемъ, пожалуй, можно было-бы достигнуть, такъ какъ, во-первыхъ, въ такихъ людяхъ недостатка теперь уже нѣтъ, а, во-вторыхъ, въ области канцелярскаго вольнонаемнаго труда должность волостного писаря у насъ, по крайней мѣрѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, кажется, самая благодарная, потому что въ лучшихъ волостяхъ получаетъ онъ здѣсь деньгами и натурой, — жалованье, ссыпка хлѣба, квартира съ отопленіемъ и освѣщеніемъ, огородъ и пр.,—болѣе тысячи рублей въ годъ, чего не получаетъ, какъ извѣстно, большинство состоящихъ на государственной службѣ, не говоря уже о томъ, что писарю, по мѣстному обычаю, крестьяне-просители, кромѣ того, платятъ за работу и служебныя услуги особо каждый разъ натурой или деньгами. Поэтому-то волостные писаря рѣзко отличаются отъ остальныхъ канцеляристовъ внѣшностію и образомъ жизни, составляя какъ-бы особую, привилегированную касту среди нихъ, попасть въ которую — завѣтная мечта почти cadaго писца. Для повѣрки же и поднятія юридическихъ знаній волостныхъ писарей можно было-бы установить для кандида-

товъ экзамены, на примѣръ, при мѣстныхъ сѣздахъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, по извѣстной, приспособленной къ крестьянской жизни программѣ, какъ это теперь поступается съ частными повѣренными, нотаріусами и т. п.

Кромѣ того, переходъ въ это сословіе людей съ лучшей подготовкою и лучшими задатками не мѣпало-бы чѣмъ нибудь поощрить, какъ, на примѣръ, выслугой какого-либо знака отличія или преимущества. Вмѣстѣ съ тѣмъ и съ тою-же цѣлью величину волостей и жалованье волостнымъ писарямъ слѣдовало-бы уравнивать и объединить по извѣстной, общей для всѣхъ волостей нормѣ, такъ, чтобы въ каждой волости писарь получалъ одинаково приличное содержаніе и не имѣлъ-бы побудительной причины стремиться изъ одной волости въ другую изъ-за жалованья, которое теперь крайне неравномѣрно, достигая невозможной разницы, отчего не мало страдаютъ небольшія волости съ ограниченнымъ жалованьемъ, служа для лучшихъ писарей переходнымъ, выжидательнымъ и, слѣдовательно, временнымъ лишь поприщемъ или какъ-бы мѣстомъ ссылки и наказанія для провинившихся и вообще неоправдавшихся довѣрія.

АДВОКАТУРА.

До крестьянской реформы 1861 года, когда большинство крестьянскаго населенія края находилось подъ непосредственной опекой бывшихъ своихъ помѣщиковъ, когда жизнь этой части сельскаго населенія, экономическая и общественная, а, слѣдовательно, и юридическая, находилась не только на низкой, еще патріархальной степени развитія,

но и въ полной зависимости отъ помѣщиковъ,—въ сельской адвокатурѣ не встрѣчалось почти никакой надобности и адвокатовъ, какъ особаго сословія, въ уѣздахъ не знали. Помѣщики-же, мелкіе дворяне и мѣщане вели свои дѣла кое-какъ чрезъ разныхъ секретарей, писцовъ, столоначальниковъ и другихъ мелкихъ чиновниковъ, преимущественно въ губернскихъ городахъ; помѣщики, кромѣ того, вели свои дѣла иногда чрезъ своихъ полуграмотныхъ управляющихъ и экономовъ. Благодаря всѣмъ этимъ случайнымъ ходатаямъ и сочинителямъ, судебныя дѣла усложнялись до-нельзя, принимали самые неожиданные обороты и положенія, затягивались на долгіе годы, переходя изъ поколѣнія въ поколѣніе: отъ отца къ дѣтямъ, отъ дѣтей къ внукамъ и такъ далѣе; поэтому большинство дѣлъ, не достигая судебного рѣшенія, сами собою прекращались или вслѣдствіе смерти главныхъ дѣйствующихъ лицъ, которыхъ не было кому замѣнить въ процессѣ, или вслѣдствіе обѣдненія ихъ, или просто потому, что спорный предметъ пересталъ существовать или потерялъ свое значеніе, изъ-за котораго спорили. Такой способъ веденія дѣлъ, разумѣется, не мало обременялъ и судей, получавшихъ отъ неправой стороны, какъ-бы въ возмездіе за это, штрафъ за неправо вчинаніе иска. Впрочемъ, такому веденію дѣлъ, какъ извѣстно, не мало благопріятствовалъ и до-реформенный порядокъ судопроизводства, какъ извѣстно, не отличавшійся ни послѣдовательностью, ни полнотой регламентаціи, и вслѣдствіе этого, разумѣется, не одно правое дѣло проиграно, и не одна семья напрасно раззорена.

Съ освобожденіемъ-же помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, личной и имущественной, и за-

тѣмъ съ переходомъ какъ ихъ, такъ и бывшихъ казенныхъ крестьянъ на выкупъ, то-есть въ разрядъ и положеніе крестьянъ-собственниковъ, получившихъ общую юридическую самостоятельность и равноправность, кругъ дѣятельности ихъ общественно-экономической, а, слѣдовательно, и юридической, расширился, чѣмъ дольше, тѣмъ больше, раздвигаясь, по мѣрѣ развитія и усовершенствованія общественно-экономической жизни вообще, а крестьянской въ частности; отношенія и интересы сельчанъ вообще постепенно усложнились до того, что и для нихъ явилась нужда въ законовѣдахъ и судебныхъ руководителяхъ, тѣмъ болѣе, что, съ одной стороны, новые тяжущіеся были люди темные, сплошь и рядомъ неграмотные, а съ другой—очутились они въ совершенно новой, неизвѣстной для нихъ роли, въ которой, какъ въ заколдованномъ кругу, трудно имъ было ориентироваться безъ болѣе или менѣе свѣдущихъ руководителей. Въ этотъ новый періодъ юридической народной жизни, рядомъ съ прежними дѣятелями, то есть секретарями, писцами, столоначальниками и управляющими имѣніями, выступили новые дѣятели, уже спеціально занявшіеся изученіемъ законовъ и веденіемъ чужихъ дѣлъ, судебныхъ и административныхъ, въ мѣстныхъ городахъ и мѣстечкахъ, и обособившіеся постепенно въ особую категорію людей, слывшихъ въ народѣ реентами, пленипотентами (ведущими дѣла по довѣренности), совѣтниками и просто писарями. Въ уѣздахъ западныхъ губерній адвокатурой занялись, если не исключительно, то преимущественно, предприимчивые евреи, какъ болѣе другихъ падкіе на скорую и, главное, на легкую наживу, благо-вступленію въ ряды этихъ дѣятелей ничто не мѣшало;

для этого не требовалось, напимѣръ, никакого образовательнаго ценза, какъ и вообще не было никакой повѣрки знаній и нравственности занявшихся или желающихъ заняться веденіемъ чужихъ дѣлъ. Поэтому-то и въ этотъ періодъ положеніе дѣла измѣнилось только количественно, такъ какъ увеличилось лишь, съ одной стороны, число тяжбъ, а съ другой—число реентовъ, пленипотентовъ и тому подобныхъ ходатаевъ, продолжавшихъ вести дѣла по-прежнему вкривь и вкосъ. Впрочемъ, эксплуатація сельскаго населенія значительно усложнилась и сдѣлалась интенсивнѣе и число жертвъ - тяжущихся значительно возросло, во-первыхъ, благодаря простотѣ и невѣжеству ихъ, а во-вторыхъ — благодаря особой сноровкѣ и безцеремонности въ дѣлѣ эксплуатаціи вновь явившихся руководителей ихъ, чему въ особенности благопріятствовало полное отсутствіе всякаго контроля этихъ дѣятелей и всякой регламентаціи ихъ дѣятельности. Однако, и среди этихъ дѣятелей, какъ и теперь, были свои знаменитости (слывшіе на весь уѣздъ, а то и на всю губернію), превратившіеся изъ бѣдныхъ и бездомныхъ талмудистовъ, мелочныхъ торговцевъ, гизелей и содержателей кабаковъ въ состоятельныхъ людей, обезпечившихъ себя и своихъ потомковъ, попавшихъ уже въ гимназіи, университеты и инженерныя училища, благодаря скорѣе ловкому плутовству и „гешефтмахерству“ отцовъ, чѣмъ дѣйствительнымъ ихъ достоинствамъ и знаніямъ. Нѣкоторые изъ этихъ дѣятелей-адвокатовъ (адвокатъ—выраженіе у насъ позднѣйшаго, послѣ-реформеннаго времени) еще и теперь живутъ, безуспѣшно сясь поддержать прежнюю свою репутацію и практику, которая стала видимо удаляться отъ нихъ, съ одной стороны, вслѣдствіе наступив-

шей судебной и законодательной реформы, которую имъ уже не время было понять и изучить, а съ другой — вслѣдствіе вновь возникшей конкуренціи частныхъ повѣренныхъ, въ число которыхъ изъ нихъ попались лишь немногіе, а большинству пришлось остаться только при воспоминаніяхъ и грошевой практикѣ, но, разумѣется, при прежнихъ, иногда довольно солидныхъ, сбереженіяхъ, какъ выше сказано.

Итакъ, первые два періода юридической народной жизни закончились, а наступилъ третій, уже совершенно новый, вызвавшій къ жизни новые законы, новыя учрежденія и новыхъ дѣятелей, составляющій крупный поворотъ къ улучшенію общественно-юридической жизни,—періодъ, продолжающійся и по настоящее время.

Какъ извѣстно, одновременно съ изданіемъ въ 1864 г. новыхъ судебныхъ уставовъ и новаго учрежденія судебныхъ установленій, въ интересахъ населенія и суда былъ учрежденъ и институтъ присяжныхъ повѣренныхъ, какъ необходимый органъ правосудія. Судебная реформа началась, какъ извѣстно, съ велико-россійскихъ губерній, а въ западномъ краѣ до 1872 года дѣйствовали старые суды и оставались старые судебные порядки, а въ началѣ этого года были введены лишь мировыя судебныя установленія и только въ 1883 году открыты и здѣсь общія судебныя мѣста.

Такъ какъ на первыхъ порахъ реформы число юристовъ-повѣренныхъ было недостаточно, то въ 1874 году, рядомъ съ ними и въ тѣхъ-же видахъ, особыми временными правилами были допущены къ веденію чужихъ дѣлъ и частныя лица, удовлетворяющія извѣстнымъ нравствен-

нымъ и спеціальнымъ образовательнымъ условіямъ, всецѣло предоставленнымъ правилами усмотрѣнію суда, рѣшающаго ходатайство кандидата, то-есть усмотрѣнію съѣзда, окружнаго суда или судебной палаты, по принадлежности. И тутъ первыми явились евреи въ чертѣ ихъ осѣдлости. Большинство кандидатовъ, никогда и не снившіе о юриспруденціи, какъ и въ первомъ случаѣ, побросали обычные свои занятія,—патентную и безпатентную торговлю, факторство и разный „гандель“,—и кое-какъ подготовившись, вѣрнѣе прочитавъ съ грѣхомъ по-поламъ разъ-другой судебные уставы, истинный смыслъ которыхъ для большинства ихъ такъ и остался тайной, разными путями, и въ особенности путемъ заслуженной и незаслуженной протекціи, пустились экзаменоваться и получать свидѣтельства, въ чемъ не встрѣтили они почти никакихъ препятствій. Въ этомъ имъ много помогли, кромѣ протекціи, съ одной стороны, собственная ихъ ловкость и изворотливость, хорошо извѣстныя жителямъ еврейской осѣдлости и совершенно неизвѣстныя или мало извѣстныя жителямъ другихъ частей Имперіи, гдѣ евреи не живутъ, какъ, напримѣръ, центральныхъ или великороссійскихъ губерній, откуда почти всѣ судьи въ западныхъ губерніяхъ, а съ другой стороны—полное отсутствіе на первыхъ порахъ конкуренціи въ этомъ отношеніи со стороны христіанъ,—а между тѣмъ вновь народившуюся, выдвинутую жизнью потребность въ повѣренныхъ-адвокатахъ, подмѣченную законодателемъ, необходимо было въ возможной степени удовлетворить, какъ въ интересахъ темнаго сельскаго населенія съ преобладающимъ крестьянскимъ элементомъ, такъ и самого правосудія. Поэтому, мировые съѣзды, какъ потомъ и общія судебныя мѣста,

не могли въполнѣ осуществить, то-есть провести въ жизнь благую идею законодателя объ учрежденіи частныхъ повѣренныхъ и не могли, болѣе или менѣе, строго и требовательно относиться къ кандидатамъ на частныхъ повѣренныхъ, рѣшившихся посвятить себя адвокатурѣ въ уѣздахъ и селеніяхъ. Благодаря всему этому, первый наборъ или, такъ-сказать, первый выпускъ частныхъ повѣренныхъ въ уѣздахъ, судебныхъ и вообще юридическихъ руководителей многочисленныхъ тяжущихся, — получился самый неудачный, обезличившій это сословіе уже разъ навсегда и составившій ему крайне незавидную репутацію, и неудивительно. Если не всѣ, то большинство занялись адвокатурою, какъ уже сказано, почти безъ всякой къ этому-подготовки, научной или практической, и занялись не по призванію или наклонностямъ, когда всякая дѣятельность бываетъ успѣшнѣе и плодотворнѣе, а по расчету и чисто матеріальнымъ, житейскимъ соображеніямъ; къ тому же людей этихъ, вышедшихъ изъ низшихъ слоевъ общества, не связывало ни хорошее домашнее воспитаніе и вытекающія отсюда привычки и наклонности, ни общественное положеніе, связи и знакомства, въ которомъ они росли, вращались и дѣйствовали. При такихъ условіяхъ наша сельская адвокатура не могла стать на высотѣ своего призванія и оправдать ожиданій законодателя и общества и, въ концѣ концовъ, вызвала противъ себя сильную реакцію.

Прежде всего, большинство повѣренныхъ этихъ, въ особенности на первыхъ порахъ введенія ихъ, не мало напутали и натворили зла, какъ тяжущимся, такъ и правосудію, своимъ невѣжествомъ, давая дѣламъ не надлежащее

направленіе, понимая и примѣняя законы по своему и превратно. Вслѣдствіе чего, дѣло, напримѣръ, имѣющее гражданскій характеръ, получало направленіе въ уголовномъ порядкѣ, а дѣло, имѣющее уголовный характеръ—направлялось въ гражданскомъ порядкѣ, и подсудное мировому судѣ заводилось въ окружномъ судѣ, а подсудное послѣднему, наоборотъ, заводилось у перваго; какъ равно дѣло, подлежащее производству въ административномъ порядкѣ, возбуждалось въ судѣ, а подлежащее разсмотрѣнію суда—проходило предварительно всѣ административныя инстанціи; въ числѣ дѣловыхъ бумагъ, сюда относящихся, то есть разныхъ и разнаго рода прошеній, апелляціонныхъ, кассационныхъ и частныхъ жалобъ, объясненій, возраженій, опроверженій и т. п. немало есть крайне своеобразныхъ, оригинальныхъ и причудливыхъ по своимъ оборотамъ, выраженію, логикѣ и юридическимъ воззрѣніямъ, въ особенности много такихъ бумагъ въ дѣлахъ нашихъ мировыхъ судей и ихъ сѣздовъ: матеріалъ, достойный кисти художника.

Затѣмъ, къ юридическому невѣжеству присоединились разные виды гешефтмахерства и народной эксплуатаціи, доведенные евреями какъ вообще, такъ и въ адвокатурѣ, до виртуозности. Отсюда безчисленное множество фактически невѣрныхъ, а юридически неправильныхъ и невозможныхъ исковъ и обвиненій, сопровождающихся утровкой, подтасовкой и переименованіемъ спорныхъ мѣстностей; часто одинъ и тотъ-же адвокатъ ведетъ то же самое дѣло обѣимъ сторонамъ: одной открыто, а другой за кулисно, получая отъ обѣихъ за это „приличное вознагражденіе“. Вслѣдствіе этого, большинство частныхъ повѣ-

ренныхъ, вмѣсто облегченія, явились тормазомъ и помѣхой правосудію, а для сторонъ и тяжущихся не полезными помощниками и руководителями, а безцеремонными эксплуататорами, развившими сутяжничество и расплодившими массу лишнихъ, ненужныхъ и неосновательныхъ дѣлъ, въ особенности среди темнаго, простодушнаго и легковѣрнаго сельскаго населенія, преимущественно крестьянъ. И насколько кліенты отъ этого бѣднѣютъ, настолько адвокаты ихъ, разумѣется, богатѣютъ, превратившись, какъ выше сказано, изъ бѣдныхъ и бездомныхъ талмудистовъ, мелочныхъ торговцевъ и разныхъ гизелей въ вполне состоятельныхъ людей, привыкшихъ уже къ извѣстному комфорту и блеску, о которыхъ ни они, ни ихъ предки не могли и мечтать раньше. Разумѣется, какъ вообще, такъ и между частными повѣренными-евреями есть достойные люди, но они составляютъ довольно рѣдкое исключеніе, по крайней мѣрѣ ихъ гораздо меньше, чѣмъ среди повѣренныхъ-христіанъ. Еврей по отношенію къ христіанину—„гою“ вообще, какъ и въ адвокатурѣ, настолько добросовѣстенъ, насколько лишь требуетъ этого личная его осторожность и личное благоразуміе.

Впрочемъ, не мало вредитъ частной сельской адвокатурѣ, подрывая ее какъ въ сущности, такъ и въ глазахъ общества, и такъ-называемые подпольные, уличные и корчемные сочинители, уже положительно ничѣмъ не связанные въ своей дѣятельности, среди темнаго крестьянскаго населенія, ни контролемъ, ни какой-либо отвѣтственностію, личной или матеріальной. Кромѣ того, въ каждой волости имѣется немало, такъ-называемыхъ, и деревенскихъ адвокатовъ изъ состоящихъ и отставныхъ волостныхъ стар-

шинъ, писарей, волостныхъ судей, сельскихъ старостъ и вообще мало-мальски грамотныхъ людей (такъ какъ въ дѣлѣ адвокатуры почему-то каждый считаетъ себя компетентнымъ по чужому дѣлу), дѣятельность которыхъ также немало вредитъ и дѣлу адвокатуры и интересамъ сельскаго населенія.

Вслѣдствіе этого, въ послѣднее время, какъ извѣстно, въ періодической печати возникла цѣлая литература по вопросу о реформѣ и улучшеніи сельской адвокатуры; съ этою цѣлью предлагались и предлагаются разныя мѣры, встрѣчаются мнѣнія даже противъ самого существованія института частныхъ повѣренныхъ. Но съ мнѣніемъ этимъ безусловно согласиться нельзя. Въ губернскихъ и другихъ большихъ городахъ, гдѣ имѣется уже достаточное число юристовъ-адвокатовъ, упраздненіе частныхъ повѣренныхъ, пожалуй, не только возможно, но и желательно, но въ уѣздныхъ и другихъ небольшихъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ, отдаленныхъ отъ такихъ центровъ, гдѣ повѣреннаго-юриста и не встрѣтишь, наоборотъ, частные повѣренные, въ основаніи, являются не только нужными, но и положительно необходимыми. Въ особенности они нужны здѣсь и необходимы при мировыхъ судебныхъ установленіяхъ, гдѣ преобладаютъ малоцѣпныя дѣла и бѣдные, неграмотные тяжущіеся, какъ, на примѣръ, крестьяне, безусловно нуждающіеся въ свѣдущихъ людяхъ для юридическаго совѣта, составленія дѣловыхъ бумагъ и вообще направленія дѣла по принадлежности. Отдавать же ихъ исключительно на произволъ и жертву случайныхъ, уличныхъ и корчемныхъ писаекъ и сочинителей, неподдающихся уже никакой регламентаціи и никакому надзору, значило-бы не уменьшить, а увеличить зло, устраненія котораго ищемъ.

Въ дѣлѣ же улучшенія сельской адвокатуры первое мѣсто занимаетъ, какъ основной, вопросъ о личномъ улучшеніи и подъемѣ частныхъ повѣренныхъ. Въ этихъ видахъ, прежде всего, желательно и цѣлесообразно было-бы или совсѣмъ устранить евреевъ отъ адвокатуры, или ограничить число ихъ возможно меньшимъ процентомъ, или же, оставляя ихъ по-прежнему, дѣятельность ихъ ограничить исключительно еврейскими дѣлами, которыя они вправѣ были-бы вести только съ еврейской стороны, такъ какъ изъ опыта извѣстно, что адвокатура, какъ и патентная и безпатентная торговля, ростовщичество и тому подобное, самая благодарная отрасль для эксплуатаціи и злоупотребленія, и что большинство частныхъ повѣренныхъ-евреевъ, ведя почти исключительно христіанскія дѣла, пользуются этимъ иногда довольно безцеремонно, въ особенности по дѣламъ нашихъ темныхъ и легковѣрныхъ крестьянъ, разоряя ихъ матеріально и растлѣвая нравственно. Благодаря этому, теперь у насъ рѣдкій сельчанинъ не запутанъ въ ту или другую тяжбу, часто крайне раззорительную и совершенно лишнюю для него, что, кромѣ матеріальнаго вреда, очевидно, возбуждаетъ и поддерживаетъ между ними семейныя ссоры и недоразумѣнія со всѣми гибельными послѣдствіями, въ особенности, опять-таки, среди крестьянъ, исторически закабаленныхъ евреями, изъ-подъ тлетворнаго и неотразимаго вліянія которыхъ не успѣли они освободиться еще и до сихъ поръ. Кромѣ того, такая дѣятельность не можетъ не отразиться дурно и на ихъ конкурентовъ, остальныхъ повѣренныхъ. Перевѣсь-же въ адвокатурѣ, какъ и вообще на экономическомъ поприщѣ въ западныхъ губерніяхъ, безусловно на сторонѣ евреевъ, такъ какъ судебно-адми-

нистративная, а, слѣдовательно, и адвокатская дѣятельность сосредоточены преимущественно въ уѣздныхъ городахъ и мѣстечкахъ, гдѣ преобладаетъ еврейское населеніе, въ рукахъ котораго исключительно всѣ гостиницы, заѣзжіе дома и всевозможныя питейныя и торговыя заведенія, служащія единственнымъ пристанищемъ для всѣхъ, прибывающихъ по дѣламъ; первыми, разумѣется, встрѣчаютъ они здѣсь хозяина-еврея и членовъ его семьи, дающихъ тяжущемуся кліенту совѣты и указанія и направляющихъ его, понятно, къ своему единовѣрцу, „великому адвокату, который если ужъ возьмется, то непременно сдѣлаетъ, такъ какъ-де и уменъ, и съ кѣмъ нужно знакомъ“, и у котораго хозяинъ-еврей, между тѣмъ, состоитъ усерднымъ агентомъ за извѣстную, разъ навсегда условленную, часть заработка; причемъ христіане повѣренныя, если кліентъ заикнется объ нихъ, порицаются и критикуются имъ самымъ несправедливымъ и безцеремоннымъ образомъ, и потому рѣдкій изъ кліентовъ не поддается такой агитаціи. Такую-же дѣятельную агентуру составляютъ и евреи, густо разсѣянные по сельскимъ закоулкамъ, деревнямъ и застѣнкамъ. Еврейская изворотливость и тутъ, какъ и во всемъ, изумительна, доходитъ она часто до виртуозности: проиграно, на примѣръ, дѣло, за которое „великій адвокатъ“, распинаясь, ручался и потому получилъ сугубое вознагражденіе, и сумѣетъ онъ объяснить это такъ ловко, что кліентъ безропотно или продолжаетъ процессъ, или подчиняется постигшей его участи, въ полной увѣренности, что это онъ самъ виноватъ, его свидѣтели или кто нибудь другой, а вовсе не самоотверженный адвокатъ, не имѣвшій, дескать, уже никакой возможности справиться съ враждебными об-

стоятельствами дѣла, „которое онъ однако велъ какъ никто, талантливо и самоотверженно“. И такая исторія съ однимъ однимъ и тѣмъ же кліентомъ повторяется иногда сряду нѣсколько разъ и все - таки адвокатъ выходитъ сухъ и чистъ, какъ гусь изъ воды. Частные повѣренные христіане не могутъ успѣшно конкурировать съ евреями и служить достаточнымъ противовѣсомъ ихъ дѣятельности какъ по этому, такъ и потому, что въ уѣздахъ западнаго края, сравнительно съ послѣдними, составляютъ они, такъ-сказать, каплю въ морѣ: есть такіе судебно-мировые округа, гдѣ на десять и болѣе евреевъ-повѣренныхъ имѣется ихъ только одинъ или два, а есть и такіе округа, гдѣ и по настоящее время сельская адвокатура исключительно въ рукахъ евреевъ, которыми переполнены всѣ мѣстные учрежденія, судебныя и административныя. Затѣмъ, вторымъ средствомъ улучшенія сословія частныхъ повѣренныхъ, безъ сомнѣнія, является образовательный ихъ цензъ, который не долженъ быть ниже курса среднихъ учебныхъ заведеній, такъ какъ въ настоящее время въ уѣздахъ преобладаютъ частные повѣренные съ такъ-называемымъ домашнимъ воспитаніемъ и самоучки, большинство которыхъ безъ всякаго теоретическаго развитія, безусловно необходимаго для правильной юридической дѣятельности, для постиженія цѣли и основанія законовъ и юридическихъ обобщеній, мало доступныхъ, или совсѣмъ недоступныхъ неразвитому уму, не подготовленному къ отвлеченному логическому мышленію, безъ чего правильное веденіе дѣлъ, безъ ошибокъ и колебаній, очевидно, невозможно. Кромѣ того, для испытанія въ юридическихъ познаніяхъ кандидатовъ необходимо было-бы установить общую, однообразную

и подробную программу, съ одной стороны, для сѣздовъ мировыхъ судей и земскихъ начальниковъ, а съ другой— для окружныхъ судовъ и судебныхъ палатъ, если-бы пришло для селеній сохранить частныхъ повѣренныхъ и при нихъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, для лучшаго достиженія цѣли, дисциплинарную отвѣтственность частныхъ повѣренныхъ слѣдовало-бы усилить и расширить, включительно до денежнаго взысканія и преданія суду въ извѣстныхъ, болѣе важныхъ случаяхъ; всякую же дѣятельность по судебно-административнымъ дѣламъ непризнанныхъ адвокатовъ, то-есть адвокатовъ-самозванцевъ, слѣдовало-бы совершенно прекратить, включительно до составленія дѣловыхъ бумагъ, подъ страхомъ той или другой отвѣтственности.

Но что касается собственно крестьянскихъ дѣлъ, пожалуй, самымъ лучшимъ средствомъ къ уменьшенію зла была-бы замѣна теперешнихъ частныхъ повѣренныхъ спеціальными повѣренными отъ правительства, какъ это и предполагается, съ подробной регламентаціей ихъ дѣятельности въ порядкѣ надзора и подчиненности и съ правомъ выслуги того или другого отличія и преимущества, для поощренія и привлеченія къ дѣятельности достойныхъ людей. Такіе повѣренные, очевидно, были-бы заинтересованы въ своей дѣятельности не только матеріально, но и нравственно.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Экономическій бытъ крестьянъ.

Не подлежитъ сомнѣнію, что вслѣдствіе освобожденія бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, личной и имущественной, надѣла какъ ихъ, такъ и бывшихъ государственныхъ крестьянъ землею съ правомъ выкупа надѣловъ въ собственность, далѣе — вслѣдствіе упраздненія подушной подати и облегченія обязательной воинской повинности, лежавшихъ, какъ извѣстно, исключительно на мѣщанахъ и крестьянахъ, благосостояніе послѣднихъ, т. е. крестьянъ, значительно возрасло, чему, разумѣется, немало содѣйствовали и общія условія государственной и общественной жизни послѣдняго времени, какъ результатъ прогресса и культурнаго развитія страны, ея общественно-экономической жизни, какъ то: проведеніе желѣзныхъ дорогъ и вообще улучшеніе путей сообщенія, развитіе фабричной и заводской промышленности, развитіе торговли, свобода передвиженія, введеніе и распространеніе народнаго образованія и т. п. Однако и въ экономическомъ отношеніи, какъ и въ другихъ, крестьянская жизнь

оставляетъ еще много желать, имѣя много слабыхъ сторонъ, погрѣшностей и аномалій.

Такъ какъ главнѣйшими факторами экономической жизни крестьянъ, какъ и вообще сельчанъ-землепашцевъ, безъ сомнѣнія, является земля, сельское хозяйство, семейные раздѣлы, повинности и мѣстный или сельскій кредитъ, хотя одни изъ нихъ въ положительномъ, а другіе въ отрицательномъ смыслѣ,—то, слѣдовательно, и обзоръ экономической и хозяйственной жизни крестьянъ необходимо сдѣлать съ этихъ точекъ зрѣнія.

Экономическое и общественное значеніе земли у крестьянъ.

Въ экономической, а, слѣдовательно, и общественной жизни крестьянъ, какъ и вообще сельчанъ-землепашцевъ, земля занимаетъ первое мѣсто.

По относительной малочисленности у насъ заводовъ и фабрикъ, какъ и вообще по слабости обрабатывающей промышленности, а также и торговли, земля является если не исключительнымъ, то главнымъ источникомъ экономического существованія сельскаго населенія вообще, и не только сельскаго, но отчасти и городскаго, такъ какъ большинство христіанскаго населенія уѣздныхъ и другихъ небольшихъ городовъ, за исключеніемъ, разумѣется, интеллигенціи, служилаго класса и ремесленниковъ, также занято, главнымъ образомъ, обработкою земли и веденіемъ сельскаго хозяйства. Поэтому, матеріальный достатокъ, а, слѣдовательно, и общественное значеніе сельчанъ зависятъ, главнымъ образомъ, отъ количества владѣемой земли: деньги-же являются

тутъ лишь вспомогательнымъ средствомъ, средствомъ пріобрѣтенія земли, устройства и расширенія на ней хозяйства. Естественно, поэтому, что въ сельской средѣ главную, руководящую роль играютъ, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, не тѣ, кто умнѣе, развитѣе или опытнѣе, а тѣ, у кого больше земли и кто, поэтому, считается богаче: у крестьянъ, напримѣръ, изъ этой среды преимущественно избираются главныя должностныя лица сельскаго и волостного правленія: старшины, сельскіе старосты, кандидаты ихъ, повѣренныя по дѣламъ общества или волости, опекуны осиротѣвшихъ крестьянъ и т. п., имъ принадлежитъ первое мѣсто на волостныхъ и сельскихъ сходахъ, и, слѣдовательно, первая роль въ рѣшеніи общественныхъ дѣлъ и вопросовъ; тѣ же изъ крестьянъ и вообще сельчанъ, у кого больше земли, какъ извѣстно, рѣшаютъ и важнѣйшія уголовныя дѣла въ качествѣ присяжныхъ заседателей. При заключеніи браковъ въ крестьянской, какъ и вообще въ сельской земледѣльческой средѣ, принимается въ расчетъ, главнымъ образомъ, также количество земли, обширность и состояніе хозяйства сторонъ, въ особенности жениха, а воспитаніе, образованность и деньги, какъ второстепенныя вещи, могутъ и отсутствовать, въ особенности мало придается значенія воспитанію и образованности въ низшемъ слоѣ сельчанъ-землепалцевъ, хотя, правда, то и другое теперь уже и у нихъ больше цѣнится, нежели цѣнилось когда-то, въ доброе старое время. Словомъ, земля—альфа и омега у нашихъ сельчанъ-землепалцевъ, она, главнымъ образомъ, дастъ имъ все: и средства къ жизни, и почетъ, и общественное положеніе, такъ какъ сельскую аристократію составляютъ именно тѣ, у кого больше земли и отъ

которыхъ безземельные и малоземельные находятся фактически въ серьезной зависимости и во многихъ отношеніяхъ.

Вслѣдствіе такого важнаго и всесторонняго значенія земли, она является у сельчанъ предметомъ сильной конкуренціи и самаго дѣятельнаго соперничества, а поземельныя отношенія ихъ являются самыми сложными и запутанными отношеніями. Большинство ссоръ и недоразумѣній между сосѣдами и родственниками возникаетъ, главнымъ образомъ, изъ-за земли, какъ равно большинство дѣлъ во всѣхъ судахъ и на разные лады производится также о землѣ; въ волостныхъ судахъ почти всѣ дѣла, такъ или иначе, вытекаютъ изъ поземельныхъ правъ и отношеній, а въ мировыхъ и окружныхъ судахъ, въ особенности въ первыхъ, добрая половина такихъ дѣлъ, количество которыхъ все растетъ и увеличивается, и въ числѣ ихъ преобладаютъ дѣла о захватахъ и нарушеніи владѣнія во всевозможныхъ формахъ и видахъ. Поземельныя права и отношенія немало усложняются и тѣмъ, что границы и межевые знаки далеко не вездѣ сохранились у насъ въ неприкосновенности и рѣдкая деревня имѣетъ на рукахъ планъ своихъ земель и угодій, почему въ поземельныхъ спорахъ суду трудно бываетъ ориентироваться и радикально рѣшать возникающія про нихъ дѣла, нерѣдко повторяющіяся, поэтому, то въ разныхъ формахъ, то въ разныхъ судахъ; нерѣдко спорящіе и сами хорошенько не знаютъ, гдѣ кончается владѣніе одного и начинается другого. Немало возникаетъ дѣлъ и вслѣдствіе неопредѣленности сервитутныхъ или пастбищныхъ правъ крестьянъ въ помѣщичьихъ и вообще во владѣльческихъ лѣсахъ и имѣніяхъ,

такъ какъ во многихъ случаяхъ указано лишь мѣсто пастбища, но не указано конкретно ни границъ его, ни пространства.

Интенсивность поземельныхъ споровъ нерѣдко доходитъ до того, что дѣло, мѣняя свои формы и виды, а также мѣсто производства, какъ уже сказано, тянется цѣлые годы и веденіе его часто обходится гораздо дороже, чѣмъ стоитъ спорная земля, въ особенности—если дѣло ведется въ волостномъ судѣ; словомъ, такіа дѣла самыя упорныя и растяжимыя, и для адвокатуры, поэтому, самыя благодарныя, въ особенности для недобросовѣстныхъ представителей ея, любящихъ „въ мутной водѣ ловить рыбу“.

Чтобы уменьшить зло, слѣдовало-бы обязательно снабдить всѣ волостныя правленія копіями плановъ на крестьянскіе надѣлы,—плановъ, хранящихся въ губернскихъ чертежняхъ, разумѣется на счетъ крестьянскихъ селеній по принадлежности, какъ это поступается съ крестьянскими данными на тѣ же надѣлы; затѣмъ, слѣдовало-бы обязать волостные суды по дѣламъ о землѣ всегда предварительно производить мѣстный осмотръ и мѣстное изслѣдованіе по правиламъ 106 ст. общаго положенія о крестьянахъ, но по плану и, по крайней мѣрѣ въ важнѣйшихъ случаяхъ, при участіи землебра, нанятаго на счетъ того, кто по рѣшенію окажется неправымъ, и чтобы рѣшенія ихъ, по дѣламъ этого рода, основывались исключительно на установленнымъ документахъ и безусловно подлежали обжалованію и повѣркѣ въ апелляціонномъ порядкѣ, т. е. *по существу*, какъ это установлено для мировыхъ судей и окружныхъ судовъ. Наконецъ, слѣдовало-бы сервитутныя или пастбищныя мѣста въ помѣщичьихъ лѣсахъ обозна-

чить конкретно, т. е. опредѣленно и въ натурѣ, приурочивая ихъ къ крестьянскимъ надѣламъ по принадлежности, какъ объ этомъ уже не разъ и возникалъ вопросъ въ официальныхъ сферахъ, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ, какъ выше сказано, пастьбища эти, какъ въ люстраціонныхъ документахъ, — спискахъ и планахъ, — такъ и въ натурѣ, не опредѣлены ни мѣрою, ни какими-либо границами.

Кромѣ того, немало путаются и усложняются поземельныя отношенія у крестьянъ, съ одной стороны, недостаткомъ земли, который мѣстами уже серьезно даетъ себя чувствовать, а съ другой — семейными ихъ раздѣлами, какъ это сейчасъ увидимъ.

Семейные раздѣлы и ихъ послѣдствія.

Въ числѣ причинъ, подрывающихъ и тормозящихъ благосостояніе нашихъ крестьянъ, какъ и вообще сельчанъ-землепашцевъ, далеко не послѣднее мѣсто занимаютъ семейные раздѣлы ихъ, влекущіе за собою раздѣлъ и дробленіе семейныхъ участковъ и хозяйства.

Стремясь къ индивидуализаціи и экономическому обособленію, большинство нашихъ крестьянъ, гдѣ не общинное, а личное или подворное владѣніе землею, которое въ Сѣверо-Западномъ краѣ, на примѣръ, безусловно преобладаетъ, дѣленіе и дробленіе своихъ участковъ, а, слѣдовательно, и хозяйства, довели въ послѣдніе годы до крайнихъ предѣловъ, препятствующихъ правильному и успѣш-

ному веденію уже и мелкаго крестьянскаго хозяйства, на-
примѣръ, на трехъ, четырехъ или пяти десятинахъ земли,
что теперь уже вовсе не рѣдкость у нашихъ крестьянъ,
поля которыхъ теперь испещрены и изрѣзаны во всѣхъ
направленіяхъ, какъ лентами, такими очередными шнурами
и шнурками, что трудно пахать ихъ: ни съ бороной про-
ѣхать, ни съ лошадыю повернуться, безъ того, чтобы не
заѣхать чужой, сосѣдней полосы.

Отсюда анти-экономическихъ и анти-хозяйственныхъ
послѣдствій въ крестьянской жизни безчисленное множе-
ство. На какомъ-нибудь двадцати-десятинномъ участкѣ,
вмѣсто одного хозяйства, одного двора и однѣхъ хозяй-
ственныхъ построекъ, возникло ихъ нѣсколько, по числу
братьевъ или другихъ равноправныхъ членовъ семьи; по-
стройка новыхъ, т. е. вновь возникающихъ строеній, хо-
зяйственныхъ приспособленій и заборовъ поглощаетъ у нихъ
не только наличныя средства и рабочее время, но и весь
кредитъ—тяжелый и раззорительный, закабаливающій дол-
жника-крестьянина мѣстному ростовщику, если не на всю
жизнь, то на весьма долгое время; на покрытіе вновь воз-
никающихъ построекъ, если не всегда, то въ большинствѣ
случаевъ, совершенно лишникъ по размѣрамъ участка и
условіямъ хозяйства, идетъ значительное количество соло-
мы и этимъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе исто-
щается земля; расходы на отопленіе и освѣщеніе увеличи-
ваются, понятно, во столько разъ, сколько возникло новыхъ
жилыхъ помѣщеній, а это, при тѣнереппей относительной
дороговизнѣ лѣса, въ скромномъ бюджетѣ крестьянина имѣ-
етъ далеко немаловажное значеніе; наконецъ, подъ лиши-
нія постройки занимается немалое количество огородной,

слѣдовательно—самой лучшей земли. Такимъ образомъ, въ послѣднія два-три десятилѣтія застѣнки превратились въ деревни, а деревни въ большія селенія и мѣстечки. Росту населенія принадлежитъ въ этомъ лишь второстепенная роль.

При такой мелкой и сложной чрезполосности ясные межевые знаки, какъ сказано, большая рѣдкость, отсюда постоянныя ссоры и недоразумѣнія между смежными сосѣдями при обработкѣ земли и уборкѣ урожая: одинъ, случайно или нѣтъ, перепахалъ, другой перекосилъ, третій пережалъ, четвертый истопталъ или потравилъ и т. п., ссоры и недоразумѣнія, часто переходящія въ долгую вражду и раззорительную тяжбу, въ особенности между подѣлившимися членами одной семьи, изъ которыхъ каждый стремится къ хозяйственному и вообще экономическому преобладанію на счетъ своего половинщика. Упростить чрезполосность и устранить отсюда вытекающее зло, въ особенности неудобство узкости пнуровъ, укорочиваніемъ и соотвѣтственнымъ расширеніемъ ихъ, не только трудно, но часто и невозможно, чему препятствуетъ, главнымъ образомъ, разнородность и разнокачественность нивъ и сѣнокосовъ, а также общность пастбищъ, въ чемъ рѣдкій изъ крестьянъ сдѣлаетъ вамъ какую-либо уступку, такъ какъ крестьяне вообще въ дѣлахъ о землѣ, которую они, какъ уже сказано, въ экономической области ставятъ чуть-ли не выше всего, не отличаются миролюбіемъ и уступчивостью.

Но дѣло еще болѣе усложняется періодическими передѣлами участка съ цѣлью уравненія владѣнія между пайщиками вслѣдствіе смерти одного изъ нихъ, не оставившаго дѣтей-наслѣдниковъ, а то и при наличности послѣднихъ,

если они исключительно дочери или даже и при наличности сыновей—если они еще малолѣтніе и не назначена надъ ними опека, способная защищать права и интересы ихъ. Кромѣ того, на трехъ или пяти десятинахъ земли, каковыя долевые участки въ нѣкоторыхъ нашихъ губерніяхъ теперь уже преобладаютъ, очевидно, трудно имѣть достаточный и въ должномъ порядкѣ хозяйственный инвентарь, чѣмъ веденіе хозяйства крайне затрудняется и отъ этого оно разстраивается и часто приходитъ въ совершенный застой и упадокъ, лишая своего обладателя возможности прокормиться съ семьей и отбыть денежные и натуральныя повинности. Такой „хозяинъ“ или перебивается изо-дня въ день, періодически прибѣгая къ постороннимъ заработкамъ, чтобы свести концы съ концами, если не знаетъ онъ никакого ремесла, который-бы замѣнилъ это (многіе занимаются выдѣлкой разной деревянной посуды, саней, глиняныхъ горшковъ, плетеніемъ корзинъ и т. п.), или отдаетъ землю въ обработку за денежное вознагражденіе сосѣду, располагающему достаточнымъ и исправнымъ инвентаремъ, а самъ поступаетъ на службу, или только временно отправляется на заработки куда-нибудь подальше, главнымъ образомъ въ сосѣдніе большіе города, въ имѣнія и на земляныя работы по сооруженію желѣзныхъ дорогъ и т. п. А такъ какъ чужими руками, какъ говорится, хорошо только жаръ загребать, то производительность земли, а, слѣдовательно, и благосостояніе собственниковъ ея—крестьянъ отъ такой обработки также не увеличиваются, а уменьшаются.

Раздѣлы эти, кромѣ того, неблагопріятно вліяютъ и на семейный бытъ крестьянъ, ослабляя семейныя и родствен-

ныя ихъ узы и отношенія, традиціи и обычаи, служившія когда-то связью и основаніемъ многочисленнымъ, патріархальнымъ семьямъ, составляющимъ теперь уже немалую рѣдкость у крестьянъ, благодаря раздѣламъ и передѣламъ, принявшимъ въ послѣднее время повальный, какъ-бы эпидемическій характеръ.

Главнымъ поводомъ къ раздѣламъ и разъединенію служатъ семейныя ссоры и недоразумѣнія. Братья обыкновенно до тѣхъ поръ живутъ вмѣстѣ и болѣе или менѣе дружно, пока не поженились и не дождались дѣтей, въ особенности—если число послѣднихъ у нихъ не одинаковое: никто не хочетъ работать „на лишніе рты“.

Такъ какъ положеніемъ о выкупѣ крестьянскихъ надѣловъ, дробленіе ихъ, впредь до окончательнаго погашенія за нихъ выкупа, воспрещается, то, въ обходъ сего, раздѣлы совершаются обыкновенно домашнимъ порядкомъ, безъ оффиціального участія и всякой санкціи членовъ сельскаго и волостного правленія, смотрящихъ на самовольные раздѣлы, какъ говорится, сквозь пальцы, но при содѣйствіи и посредничествѣ сосѣдей - добросовѣстныхъ, такъ или иначе рѣшающихъ возникающіе при дѣлѣ споры и недоразумѣнія сторонъ, по обычаю и справедливости. Земля и постройки, какъ и все остальное, дѣлятся, въ большинствѣ случаевъ, по числу равноправныхъ взрослыхъ мужчинъ, братьевъ или ихъ представителей - наслѣдниковъ; причемъ отецъ, при раздѣлѣ братьевъ-сыновей, получаетъ одинаковую съ ними долю, а матери выдѣляется лишь кое-что изъ скота, хлѣба и одежды на прожитокъ и похороны; оба они, отецъ и мать, почти всегда остаются у того изъ сыновей, который еще не женатъ, или у котораго меньше дѣтей,

въ большинствѣ случаевъ у младшаго изъ нихъ. Послѣ же смерти отца и матери ихъ доля имущества дѣлится между сыновьями по-ровну, если они на счетъ этого, умирая, не сдѣлали особаго распоряженія, которое, хотя-бы и словесное, почти всегда исполняется дѣтьми свято.

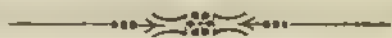
Но раздѣлы эти, какъ самовольные, а, слѣдовательно, и незаконные, часто уничтожаются волостными судами, если не фактически, то, по крайней мѣрѣ, юридически, въ силу вышеупомянутаго положенія о выкупѣ (167 статья). Такъ какъ подѣлившіеся члены семьи часто неодинаково успѣшно ведутъ хозяйство и земля у нихъ неодинаково бываетъ удобрена, то отставшій въ этомъ отношеніи соучастникъ, чтобы вызвать на ту или другую уступку болѣе счастливаго своего соперника, опираясь на тоже положеніе о выкупѣ, обыкновенно затѣваетъ дѣло объ уничтоженіи самовольнаго раздѣла, котораго раньше самъ домогался, подъ видомъ обратнаго соединенія семьи и земли, и волостному суду юридически трудно бываетъ уклониться отъ удовлетворенія такого, если не фактически, то юридически, правильнаго требованія, въ особенности—если сторонъ нельзя примирить, потому что и контролируюція ихъ учрежденія, съѣзды мировыхъ посредниковъ, уѣздныя и губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія,—признаютъ лишь такіе самовольные раздѣлы, которые совершились, если не до манифеста 1861 года, то, по крайней мѣрѣ, до послѣдней люстраціи у бывшихъ государственныхъ или до повѣрочной комисіи у бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, по такихъ раздѣловъ очень немного и про нихъ, уже покрытыхъ давностію и забвеніемъ, обыкновенно не спорятъ.

Вторымъ обстоятельствомъ, также перѣдко ведущимъ къ судебному уничтоженію раздѣловъ, служатъ споры соучастниковъ объ уравниніи владѣнія по случаю смерти кого-нибудь изъ пайщиковъ, не оставившаго дѣтей-наслѣдниковъ.

Хотя раздѣлы вообще, а мелкіе въ особенности, весьма и весьма раззорительны для крестьянъ, какъ видно изъ предъидущаго, но и уничтоженіе этихъ раздѣловъ далеко не лучше, въ особенности, если раздѣлы совершились давно. Прежде всего, споры и дѣла этого рода сопровождаются долгой и раззорительной тяжбой и постановленныя по нимъ рѣшенія труднѣе всего бываетъ исполнить, чему, естественно, мѣшаетъ, съ одной стороны, исключительность собственности, успѣвшей образоваться у сторонъ послѣ раздѣла, и сдѣланныя ими особыя затраты на улучшение земли, строеній и вообще хозяйства, а съ другой—окрѣпшая привычка къ обособленной жизни, главнымъ образомъ. Въ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ случаяхъ, тяжба кончается передѣломъ земли съ обмѣномъ всѣхъ или нѣкоторыхъ лишь ея частей между спорящими, что, въ той или другой степени, уже зависитъ отъ того изъ тяжущихся, который, подъ видомъ обратнаго соединенія, добивался передѣла и уступки вслѣдствіе экономическаго перевѣса противника. Въ большинствѣ же случаевъ рѣшенія этого рода, послѣ долгой возни сторонъ, усилій и всевозможныхъ ухищреній сельскаго старосты объ исполненіи ихъ, остаются лишь на бумагѣ, чтобы при повтореніи тяжбы отъ времени до времени быть готовымъ средствомъ борьбы, наступленія или защиты.

Слѣдовательно, такое положеніе дѣла не можетъ продолжаться безъ дальнѣйшаго подрыва народнаго благосо-

стоянія, и потому крестьянскіе раздѣлы требуютъ болѣе опредѣленнаго и строгаго контроля, не только юридической, но и фактической нормировки и регламентаціи ихъ; совершенное-же и безусловное воспрещеніе раздѣловъ, какъ предлагаютъ нѣкоторые, практически невозможно, такъ какъ иногда дѣйствительно бываютъ резонныя и даже непреложныя причины къ нимъ: серьезныя семейныя несогласія, деспотизмъ старшихъ надъ младшими, расточительность ихъ и т. п.,—причины, съ которыми, слѣдовательно, необходимо считаться. Для этого, въ связи съ предполагаемымъ воспрещеніемъ отчужденія крестьянскихъ надѣловъ, слѣдовало-бы установить и норму (напр. 10 десятинъ), ниже которой раздѣлъ и дробленіе ихъ категорически и безусловно не допускались-бы. Наблюденіе-же за исполненіемъ этого пришло-бы, разумѣется, по прежнему возложить на сельскихъ и волостныхъ должностныхъ лицъ, но уже съ особой личной отвѣтственностью ихъ, подъ надзоромъ высшихъ начальствующихъ лицъ и учреждений, въ порядкѣ подчиненности, примѣняясь къ 122-й статьѣ общаго положенія о крестьянахъ.

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

о ходѣ и положеніи сельскаго хозяйства
въ Сѣверо-Западномъ краѣ.

Съ шестидесятыхъ годовъ, составившихъ эпоху въ народной жизни, сельское хозяйство Сѣверо-Западнаго края переживаетъ вотъ уже третій экономическій фазисъ.

На первыхъ порахъ освобожденія крестьянъ отъ подневольнаго труда, по недостатку или даже отсутствію въ

краѣ желѣзныхъ дорогъ и вообще путей сообщенія, по малочисленности въ немъ большихъ городовъ, какъ центровъ потребленія, по слабости заграничнаго отпуса нашихъ произведеній и, наконецъ, по незначительности обрабатывающей промышленности и торговли, — продукты и произведенія сельскаго хозяйства, не находя себѣ достаточнаго сбыта, были дешевы и не оплачивали или плохо оплачивали стоимость производства ихъ, трудъ и матеріальныя затраты. Поэтому, въ этотъ экономическій періодъ занятіе сельскимъ хозяйствомъ, сопряженное притомъ для крестьянъ и мѣщанъ, въ особенности для первыхъ, съ разными казенными и общественными повинностями, денежными и натуральными, не давало особыхъ выгодъ и не служило приманкой. Вслѣдствіе этого сельское хозяйство занимало въ экономической области второстепенное мѣсто, не привлекало къ себѣ ни капиталовъ, ни капиталистовъ, и имъ занимались только по необходимости и лишь по мѣрѣ собственной надобности. Краснорѣчивымъ доказательствомъ этому можетъ служить, напримѣръ, то, что во время дѣйствія люстраціонной и повѣрочной комиссій (въ 1865 и 1866 годахъ) многіе крестьяне, въ особенности малосемейные, отъ надѣла землею отказывались или принимали ее крайне неохотно, считая таковую для себя бесполезнымъ бременемъ и предпочитая занятію сельскимъ хозяйствомъ ту или другую службу, ремесло или посторонніе заработки, благо, съ одной стороны, помѣщики, лишившіеся дароваго ихъ труда, стали нуждаться въ наемныхъ рабочихъ, ремесленникахъ и разнаго рода служащихъ, а съ другой стороны началась то тамъ, то здѣсь постройка желѣзныхъ дорогъ въ имперіи, оживилась и стала возникать

фабрично-заводская промышленность, привлекавша къ себѣ немало людей и капиталовъ. Поэтому, земля, въ особенности крестьянская, легко и дешево переходила изъ рукъ въ руки: за какихъ-нибудь сто-двѣсти рублей продавался и покупался участокъ въ двадцать-тридцать десятинъ, и въ этотъ періодъ не тотъ считался богаче и лучше обеспеченнымъ, у кого было больше земли и обширнѣе хозяйство, а тотъ, у кого больше было денегъ.

Но по мѣрѣ того, какъ возникали желѣзныя дороги и вообще улучшались пути сообщенія,—по мѣрѣ того, какъ развивалась наша заводская, фабричная и кустарная промышленность, а съ нею—торговля и отпускъ за границу нашихъ произведеній,—наконецъ, по мѣрѣ того, какъ росло населеніе и увеличивались города, а, слѣдовательно, и потребности въ жизненныхъ предметахъ,—продукты и произведенія сельскаго хозяйства постепенно дорожали и сельское хозяйство становилось все выгоднѣе и прибыльнѣе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ той же мѣрѣ дорожала и земля, сдѣлавшаяся предметомъ усиленной конкуренціи и соперничества со стороны труда и капитала. Въ этомъ періодѣ экономической народной жизни въ особенности большую въ ней роль играли ленъ и льняное сѣмя, пользовавшіеся, какъ извѣстно, особымъ спросомъ на заграничныхъ рынкахъ и небывалой дотолѣ дороговизной: платили, напримѣръ, на мѣстѣ до шести рублей за связку чищеннаго хорошаго льна въ 30 фунтовъ, такъ что матеріальныя затраты и употребленный трудъ на производство этихъ продуктовъ возмѣщались и оплачивались сторицею и на нихъ, главнымъ образомъ, сосредоточивались силы, вниманіе и надежды нашихъ хозяевъ, даже въ ущербъ культурѣ хлѣб-

ныхъ растеній, хотя ленъ болѣе другихъ поѣвовать истощаетъ почву. И какъ въ первомъ періодѣ землѣ предпочитались *денеги*, такъ во второмъ періодѣ, наоборотъ, лучшимъ богатствомъ и обезпеченіемъ стала считаться *земля*, къ обладанію которой всѣ и каждый устремился; деньги-же заняли уже зависимую, подчиненную роль, лишь какъ средство покупки земли, устройства и расширенія на ней хозяйства; поэтому, стоимость земли въ этотъ періодъ сельско-хозяйственной жизни достигла небывалой высоты: отъ полуторы до двухъ тысячъ рублей за участокъ въ пятнадцать-двадцать десятинъ.

Но потомъ, вслѣдствіе возникшей на сосѣднихъ заграничныхъ рынкахъ хлѣбной конкуренціи со стороны другихъ странъ, преимущественно Америки и Индіи, и вытѣсненія нашего льна хлопчато-бумажнымъ производствомъ, достигшимъ нынѣ высокаго совершенства, причудливаго разнообразія и широкаго примѣненія въ жизни, а также вслѣдствіе высокихъ пошлинъ извнѣ на наши сельско-хозяйственныя произведенія, вывозъ послѣднихъ за границу почти прекратился, цѣны на нихъ пали болѣе, чѣмъ на половину, и въ сельско-хозяйственной жизни наступилъ уже третій экономическій періодъ, продолжающійся съ нѣкоторымъ видоизмѣненіемъ и по сіе время: періодъ обратнаго движенія и полнаго застоя, подъ которымъ наши сельскіе хозяева долго и безнадежно изнемогали и отчасти еще изнемогаютъ, не имѣя возможности вполне оправиться отъ пережитаго и переживаемаго потрясенія и вернуться къ минувшему экономическому положенію, о которомъ остается пока только мечтать. Поэтому, капиталы отъ земли и сельскаго хозяйства постепенно стали освобождаться

вновь, ища себѣ помѣщенія въ другихъ отрасляхъ народнаго хозяйства: торговлѣ, промышленности и разнаго рода предиріятіяхъ, сфера коихъ въ послѣднее время значительно расширилась. И хотя въ этотъ текущій періодъ былъ открытъ крестьянскій поземельный банкъ, однако, предложеніе земли увеличивалось, а спросъ въ той же мѣрѣ уменьшался, вмѣстѣ съ тѣмъ неизбѣжно падали и поземельныя цѣны, какъ покупныя, такъ и арендныя, въ той же прогрессіи. Впрочемъ, въ этомъ явленіи не малая доля вліянія принадлежала и быстрой, сплошной вырубкѣ въ краѣ частныхъ лѣсовъ до изданія спасительнаго, хотя немного и опоздаваго, лѣсоохранительнаго закона, — лѣсовъ, въ теченіе одного десятка лѣтъ освободившихъ необозримыя пространства пасѣкъ, обращенныхъ въ полевые угодья и увеличившихъ площадь ихъ почти на половину въ короткое сравнительно время.

Однако, экономическое и хозяйственное значеніе земли въ краѣ, благодаря росту населенія, а съ нимъ и жизненныхъ потребностей, а также вслѣдствіе расширенія хозяйственно-экономической дѣятельности, давшей безконечно разнообразное примѣненіе произведеніямъ земли, а, слѣдовательно, и сельскаго хозяйства, *во общемъ* не уменьшается, а скорѣе увеличивается, и за землею по прежнему остается основная экономическая роль въ селеніяхъ, какъ это уже выяснено мною въ статьѣ: „Экономическое и общественное значеніе земли у крестьянъ“.

Но все это время сельское хозяйство въ культурномъ отношеніи не сдѣлало почти никакого прогресса, оставаясь въ прежнемъ, почти до-реформенномъ положеніи и не только у крестьянъ и мелкихъ дворянъ, но и у большинства

помѣщиковъ. Та же трехпольная, быстро истощающая почву, система сѣвооборота, тѣ же выродившіеся, рѣдко обновляемые сѣмена и посѣвы, односторонне эксплуатирующіе землю, тѣ же, первобытнаго устройства, земледѣльческія орудія, унаслѣдованныя очевидно отъ весьма и весьма далекихъ предковъ, чуть-ли не отъ Адама и Евы, скользящія по поверхности земли и едва задѣвающие ее, тотъ же мелкій, тощій рабочій скотъ, едва способный двигать и такія незатѣйливыя орудія и приспособленія, наконецъ, тотъ же способъ сбора и обработки произведеній земли: ручная жатва, ручная молотба такая же чистка зерна и выдѣлка техническихъ растений (льна, пеньки и пр.) при помощи традиціонныхъ, чуть-ли не до-потопныхъ снарядовъ: серпа, ручнаго деревяннаго цѣпа, такой же вѣялки, такихъ же „клещей“ для терки льна и пеньки и т. п., дѣлающихъ сельско-хозяйственный трудъ весьма тяжелымъ и упорнымъ и въ то же время малоуспѣшнымъ и плохо достигающимъ цѣли.

Однако, виною этому не лѣность или распущенность нашего хлѣбопашца, какъ многіе думаютъ и открыто, даже печатно утверждаютъ, а совершенно другія, мало зависящія отъ него причины и обстоятельства, изъ коихъ, безъ сомнѣнія, главными являются, во-первыхъ, общая неразвитость и относительное сельско-хозяйственное невѣжество большинства сельскаго населенія, благопріятствующія косности и консерватизму, въ которыхъ находятся у насъ сельское хозяйство и ея представители вотъ уже сотни лѣтъ; во-вторыхъ, *малоземелье*, чѣмъ дольше, тѣмъ больше дающее себя чувствовать по мѣрѣ роста населенія и жизненныхъ потребностей, личныхъ и об-

щественно-государственныхъ, и исключющее у крестьянъ пока всякую возможность какихъ-либо особыхъ затратъ и улучшеній въ хозяйствѣ, въ большинствѣ случаевъ едва дающемъ скромное прожитаніе семьѣ и не всегда покрывающемъ даже текущія повинности. И въ-третьихъ—*отсутствіе дешеваго легко-доступнаго мѣстнаго кредита*, необходимаго для утилизаціи, своевременнаго и надлежащаго примѣненія личныхъ и хозяйственныхъ силъ страны.

А отсюда уже ясно, какія главныя мѣры необходимы для обновленія и подъема сельскаго хозяйства и сельскохозяйственной жизни вообще,—мѣры, на полное осуществленіе которыхъ, по ихъ многосложности, можно разсчитывать лишь, такъ-сказать, въ перспективѣ, вѣрнѣе—въ далекомъ будущемъ. Но будемъ жить и надѣяться на лучшее будущее, въ особенности въ виду учрежденія особаго министерства земледѣлія и сельской промышленности, поставившаго интересующій насъ вопросъ уже на очередь и на весьма широкихъ основаніяхъ, чему нельзя не пожелать отъ всей души самаго скораго и полного успѣха.

Крестьянскія повинности, денежныя и натуральныя.

Въ числѣ общественно - государственныхъ вопросовъ, безъ сомнѣнія, не послѣднее мѣсто занимаетъ вопросъ объ урегулированіи и уменьшеніи земскихъ сборовъ и повинностей съ крестьянъ,—вопросъ, въ послѣднее время, какъ извѣстно, обратившій на себя особое вниманіе печати и правительства и поставленный послѣднимъ уже на очередь. Съ этой стороны крестьянскіе интересы, а, слѣдовательно, и крестьян-

ское благосостояніе весьма и весьма страдаютъ. Прежде всего страдаютъ они оттого, что въ возникновеніи, раскладкѣ, взысканіи и расходованіи мірскихъ сборовъ царятъ неопредѣленность, беспорядокъ и полная безконтрольность. Такъ напримѣръ: извѣстный сборъ въ однѣхъ волостяхъ практикуется, а въ другихъ нѣтъ, и въ однѣхъ волостяхъ въ большемъ, а въ другихъ—въ меньшемъ размѣрѣ, часто при совершенно одинаковыхъ условіяхъ; въ однѣхъ волостяхъ взимаются мірскіе сборы по-душному, а въ другихъ по-десятинно и въ однѣхъ волостяхъ, опять-таки, приходится платить больше, а въ другихъ—меньше, хотя и размѣръ волостей и потребности ихъ бываютъ совершенно одинаковы. Эта неравномѣрность и эта неопредѣленность происходятъ, во-первыхъ, оттого, что денежная часть въ волостныхъ правленіяхъ лишена *всякой* нормировки и всякой регламентаціи закона, который здѣсь, какъ и вообще въ крестьянскомъ самоуправленіи, замѣняется, такъ-называемымъ, мѣстнымъ обычаемъ крестьянъ и, во-вторыхъ, оттого, что среди темныхъ нашихъ крестьянъ, ихъ старшинъ, старостъ и выборныхъ волостной писарь является и тутъ, какъ и во всѣхъ дѣлахъ крестьянъ, неограниченнымъ хозяиномъ, въ рукахъ котораго, какъ сказано, фактически сосредоточены всѣ функціи крестьянскаго самоуправления: прикрываясь сочиняемыми имъ же самимъ приговорами сходовъ, рѣшеніями волостного суда, постановленіями старшины и старостъ, въ большинствѣ случаевъ имѣющими лишь формальное, декоративное значеніе, писарь въ волостномъ правленіи дѣлаетъ, въ сущности, чтò и какъ ему заблагоразсудится, и потому всецѣло, по крайней мѣрѣ въ большинствѣ случаевъ, отъ него зависитъ

какъ назначеніе и раскладка, такъ и употребленіе мірскихъ сборовъ, которымъ онъ ведетъ, кстати, и отчетность, мѣсячную и годовую, кромѣ его мало кому извѣстную. Повѣрка же и ревизія дѣйствій членовъ волостнаго правленія производятся лишь по жалобамъ, которыя вообще рѣдки, а по денежной отчетности и никогда не бываютъ, такъ какъ, съ одной стороны, денежная часть, составляющая канцелярскую тайну писаря, крестьянамъ и мало извѣстна, и мало понятна, а съ другой—писарей своихъ они боятся не на шутку, такъ какъ расположеніе ихъ, дѣйствительно, далеко не безразлично для отдѣльныхъ крестьянъ, знающихъ это по опыту.

Вытекающее отсюда зло для крестьянскихъ интересовъ, и зло весьма серьезное, возможно было бы устранить лишь установленіемъ надъ волостными правленіями правильнаго и строгаго денежнаго контроля, хотя-бы со стороны контрольных палатъ на общемъ основаніи, пожалуй, при содѣйствіи податныхъ инспекторовъ, и безъ того часто посѣщающихъ волостныя правленія по своимъ обязанностямъ. Причемъ назначеніе, раскладку и расходование мірскихъ сборовъ слѣдовало-бы, вообще, строго и подробно обусловить юридической регламентаціей, примѣнительно къ общимъ правиламъ счетоводства и отчетности.

Затѣмъ, не малое значеніе имѣетъ въ дѣлѣ мірскихъ денежныхъ сборовъ и величина волостей, такъ какъ, чѣмъ меньше волость, тѣмъ больше приходится платить этихъ сборовъ отдѣльнымъ крестьянамъ, какъ и наоборотъ, чѣмъ больше волость, тѣмъ меньше относительно приходится платить, потому что и въ малой, и въ большей волости расходы на содержаніе волостнаго правленія почти одинако-

вые и по роду, и по размѣру. Такъ напримѣръ: расходъ на постройку, починку и вообще поддержку необходимыхъ въ каждой волости общественныхъ зданій,—волостнаго правленія, народнаго училища, служебныхъ къ нимъ построекъ и амбаровъ хлѣбныхъ магазиновъ,—и наемъ для нихъ сторожей совершенно одинаковъ; расходъ на отопленіе и освѣщеніе жилыхъ помѣщеній: волостнаго правленія, училища, сторожевыхъ и кладовыхъ, какъ въ большой, такъ и въ малой волости одинаково необходимъ; наконецъ, и для большой, и для малой волости также необходима стойка при волостномъ правленіи для разсылки бумагъ и разъѣзда по дѣламъ службы должностныхъ лицъ волости и начальства,—стойка, замѣняемая теперь почти вездѣ подрядомъ или почтою. На тотъ или другой изъ перечисленныхъ общественныхъ расходовъ отдѣльнымъ крестьянамъ малой волости приходится платить гораздо болѣе, вдвойнѣ или даже втройнѣ, нежели крестьянамъ большой волости въ аналогичныхъ случаяхъ. Почти тоже приходится сказать и относительно жалованья членамъ волостнаго правленія: писарю, старшинѣ, старостамъ и пр., одинаково необходимымъ для всякой волости, и хотя во многихъ случаяхъ, чѣмъ меньше волость, тѣмъ меньше и жалованье для нихъ, какъ и наоборотъ, но, во-первыхъ, это не всегда бываетъ, а во-вторыхъ, если и бываетъ, то разница не всегда соразмѣрна относительной величинѣ волостей, такъ какъ количество жалованья членамъ волостныхъ правленій, какъ напримѣръ писарю и старшинѣ, установилось въ нашихъ волостяхъ совершенно случайно, независимо экономическихъ условій и величины волостей, продолжая видоизмѣняться и до сихъ поръ подъ вліяніемъ разныхъ посторон-

нихъ причинъ: ловкости писарей и старшинъ, воздѣйствія ихъ на отдѣльныхъ крестьянъ и ихъ сходы и т. под. А между тѣмъ есть у насъ волости, обнимающія значительные раіоны и болѣе, чѣмъ по тысячѣ крестьянскихъ дворовъ, гдѣ отдѣльные крестьяне не особенно обременены мірскими повинностями, и рядомъ съ ними есть такія волости, которыя далеко уступаютъ имъ въ обоихъ этихъ отношеніяхъ, обнимая весьма малые раіоны и только по двѣсти-триста крестьянскихъ дворовъ, гдѣ крестьянамъ уже гораздо труднѣе отбывать эти повинности, чему отличнымъ примѣромъ могутъ служить виленская, ковенская и другія губерніи Сѣверо-Западнаго края.

Такую дробность и неравномѣрность волостей, очевидно, полезно было-бы устранить въ видахъ справедливости, удобства и, главное, общаго благосостоянія крестьянъ. Чтобы достигнуть этого, слѣдовало-бы волости объединить и увеличить по извѣстной, общей для всѣхъ нормѣ, приурочивая централизацию волостей, по мѣрѣ возможности, къ главнѣйшимъ мѣстнымъ пунктамъ жизни и сообщенія и производя объединеніе и перетасовку цѣлыми сельскими обществами, которыхъ въ каждой волости имѣется по нѣскольку. Такая реформа, кажется, не встрѣтила-бы особыхъ затрудненій и препятствій.

На первыхъ порахъ крестьянской реформы равномерному распредѣленію волостей у насъ препятствовало, главнымъ образомъ, существовавшее подраздѣленіе крестьянъ на помѣщичьихъ и государственныхъ или казенныхъ, управлявшихся на разныхъ основаніяхъ и имѣвшихъ разныя права и обязанности, какъ личныя, такъ и имущественныя, что дѣйствительно не только юридически, но и фактически

мѣшало административному объединенію ихъ; особенно мѣшали этому существовавшія въ первые девять лѣтъ послѣ реформы обязательныя отношенія помѣщичьихъ крестьянъ къ бывшимъ ихъ помѣщикамъ. Теперь-же все это прекратилось: жизнь, права и обязанности тѣхъ и другихъ крестьянъ, какъ уже сказано, во всей своей совокупности сравнялись и объединились, и съ этой стороны, слѣдовательно, уже нѣтъ болѣе препятствій къ уравниенію волостей.

Немаловажное значеніе имѣетъ въ экономической жизни крестьянъ, какъ и вообще въ ряду государственныхъ и общественныхъ повинностей, и подводная повинность, которая у нашихъ крестьянъ также еще далеко не достигла правильной организаціи и опредѣленнаго строя.

Въ нѣкоторыхъ волостяхъ, напримѣръ, повинность эту крестьяне исполняютъ, по-прежнему, сами непосредственно, а въ нѣкоторыхъ, и такихъ въ настоящее время уже большинство, отдають ее въ подрядъ, какъ выше сказано. И оба эти вида имѣютъ свои неудобства и недостатки, только разные по характеру и степени.

Въ первомъ случаѣ крестьяне ѣдутъ на стойку по-очередно, соразмѣрно величинѣ надѣла, и только должностныя лица и выборные освобождаются отъ этого; на стойку по-ровнятъ обыкновенно худшую лошадь и худшую упряжь, чтобы легче было обходить разъѣзды и командировку, придется-ли стойковому кого-нибудь вести и въ дорогѣ то и дѣло починки, поправки, попаски и самая медленная ѣзда, а поѣдетъ онъ съ бумагами—вернется только къ смѣнѣ. Кромѣ того, правильное теченіе очереди тормозится разными причинами, присущими такому строю: у одного лошади нѣтъ, другого дома нѣтъ, третій не зналъ, четвертый (категорія

деревенскихъ воротилъ) не пріѣхалъ и баста. Отсюда крайне неравномѣрное распредѣленіе повинности, медленная ѣзда и частая задержка въ служебныхъ разъѣздахъ и разсылкѣ бумагъ.

Подрядомъ же все это, если не совершенно, то значительно устраняется. Наемныя деньги равномерно разлагаются на крестьянъ-домохозяевъ по-десятинно, а на безземельныхъ — подушно (последніе, какъ и вообще безлопадные, освобождаются отъ стойковой повинности при отбываніи ея натурою), и только старшина, сборщикъ и сельскіе старосты освобождаются отъ этого; лошади и упряжь у подрядчика-почтосодержателя лучше и исправнѣе и въ отпращиваніи повинности онъ, какъ спеціально этимъ занятый, постояннѣе и аккуратнѣе, хотя, разумѣется, и тутъ не безъ исключеній. Поэтому, почта, въ основаніи, всеми предпочитается стойкѣ, въ особенности тѣмъ, кто имѣетъ непосредственную нужду въ обывательскихъ подводахъ при разъѣздахъ по дѣламъ службы. Зато при подрядѣ крестьянамъ приходится не только платить, но часто и переплачивать.

Какъ извѣстно, дѣла, касающіяся всей волости, рѣшаются, по положенію о крестьянахъ, волостнымъ сходомъ, выборными по одному отъ каждаго десяти дворовъ волости и рѣшаются простымъ большинствомъ голосовъ ихъ, т. е. десяткомъ-другимъ человѣкъ, которымъ, очевидно, легко ошибиться и которыхъ легко убѣдить, разубѣдить и такъ или иначе соблазнить, тѣмъ болѣе, что выборные въ дѣлахъ, касающихся всей волости, не особенно заинтересованы лично и на сходахъ, въ большинствѣ случаевъ дѣла эти чередуются, такъ-сказать, экспромтомъ, безъ всякой предварительной подготовки и рѣдко обсуждаются они всесторонне

и основательно. Всѣмъ этимъ отлично пользуются почто-содержатели, особая категорія людей, если не специалистовъ, то монополистовъ по этой части, и ихъ союзники: волостные писаря, ихъ помощники, старшины и т. п. Подрядъ предварительно не получаетъ никакой огласки и не бываетъ по отношенію къ нему никакой конкуренціи, а если и случается она, то, вслѣдствіе „приличной случаю“ агитаціи, беретъ верхъ не тотъ, кто выгоднѣе, а тотъ, кто ловчѣе и, кто лучше „нравится“.

Чтобы устранить это, необходимо было-бы привлечь сюда правильную и возможно большую конкуренцію, слѣдовало-бы содержаніе почты отдавать въ подрядъ съ публичныхъ торговъ на общемъ основаніи, предварительно публикуемыхъ по уѣзду, подъ непосредственнымъ наблюденіемъ и руководствомъ лицъ, начальствующихъ надъ волостными правленіями. Лучше было-бы производство торговъ перевести изъ волостныхъ правленій въ уѣздные города, чтобы усилить конкуренцію и изолировать торги отъ мѣстнаго вліянія, дурно отражающагося на интересахъ крестьянъ-нанимателей.

Сельскій кредитъ.

Какъ въ жизни вообще, такъ и въ жизни сельскаго населенія въ частности, правильно-организованный, общедоступный кредитъ, безъ сомнѣнія, весьма важное условіе экономическаго благосостоянія. Въ особенности важенъ и необходимъ такой кредитъ для мелкаго земледѣльческаго класса людей, въ особенности крестьянъ, нужда которыхъ въ деньгахъ, изъ-года-въ-годъ повторяющаяся, не всегда

совпадаетъ съ возможностью выручить ихъ изъ хозяйства, какъ, на примѣръ, весною и въ первой половинѣ лѣта.

Но такой кредитъ,—близкій, дешевый и, по своей организаціи, общедоступный,—у насъ, какъ извѣстно, только въ зародышѣ и далеко не соотвѣтствуетъ той надобности, какая въ немъ ощущается. Почти повсемѣстно, по крайней мѣрѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ, существуютъ при волостныхъ правленіяхъ, такъ-называемыя, ссудо-сберегательныя кассы или мірскіе капиталы, возникшіе въ разное время, изъ разныхъ источниковъ и получившіе разную организацію. У нѣкоторыхъ бывшихъ помѣщичьихъ крестьянъ, на примѣръ, кассы эти, подъ именемъ мірскаго, запаснаго или вспомогательнаго капитала, возникли еще во времена крѣпостнаго права, благодаря инициативѣ и заботамъ бывшихъ ихъ помѣщиковъ, личный интересъ которыхъ, разумѣется, былъ въ прямой зависимости отъ благосостоянія принадлежавшихъ имъ крестьянъ. Въ этотъ капиталъ обращались налагавшіеся помѣщиками на крестьянъ штрафы, выморочные или конфискованные за что-либо капиталы и имущества ихъ, облагались они для этого подушнымъ сборомъ, принимались отъ нихъ вклады, а иногда и самъ помѣщикъ кое-что жертвовалъ въ этотъ капиталъ для образованія или увеличенія его. Изъ капиталовъ этихъ крестьяне, впавшіе въ особую нужду, на примѣръ, лишившіеся послѣдней лошади или коровы, или въ случаѣ пожара, неурожая и т. п., получали соразмѣрную ссуду за извѣстный, небольшой процентъ или совершенно безъ всякаго процента, смотря по обстоятельствамъ и заведенному въ экономіи порядку. У бывшихъ-же казенныхъ или государственныхъ крестьянъ вспомогательные ихъ капиталы образовались при

тогдашнихъ ихъ сельскихъ правленійхъ почти изъ такихъ-же источниковъ, какъ и у помѣщичьихъ крестьянъ, но только при помощи и подъ руководствомъ управленій государственныхъ имуществъ и ихъ органовъ: сначала чиновниковъ особыхъ порученій, а потомъ окружныхъ начальниковъ, непосредственно завѣдывавшихъ казенными крестьянами.

На первыхъ порахъ появленія этихъ кассъ и капиталовъ, благодаря тогдашней простотѣ жизни и интересовъ крестьянъ, несложная потребность ихъ въ кредитѣ кое-какъ удовлетворялась ими. Но, по мѣрѣ того, какъ народная жизнь, а, слѣдовательно, и народные интересы вообще развивались и разнообразились, существовавшій кредитъ отъ своего назначенія отставалъ, не имѣя возможности удовлетворять вновь возникавшей у сельчанъ потребности въ кредитѣ, ни размѣромъ, ни удобствомъ и цѣлесообразностію своей организаціи, лишенной, какъ выше сказано, правильнаго и опредѣленнаго строя.

А между тѣмъ кассы эти и капиталы, переименованные послѣ крестьянской реформы въ ссудо-сберегательные и мірскіе, и до сихъ поръ остаются почти въ томъ-же неопредѣленномъ положеніи, какъ и въ началѣ ихъ образованія. Такъ, на примѣръ, въ однѣхъ волостяхъ нормы и срокъ личнаго кредита, такъ или иначе,—практикой или особымъ распоряженіемъ,—опредѣлены, а въ другихъ—нѣтъ, и въ однѣхъ волостяхъ—въ одномъ, а въ другихъ — въ другомъ размѣрѣ, въ однѣхъ волостяхъ требуется одно, а въ другихъ—другое количество поручителей и къ нимъ предъявляются иногда совершенно разныя условія правоспособности, такъ-что ссудо-сберегательныя кассы крестьянъ ли-

пены всякаго руководящаго общаго принципа и почти всякой юридической нормировки и регламентаціи, одинаково обязательной для всѣхъ волостей. Поэтому, всѣ операціи и порядокъ выдачи ссудъ, обратнаго взысканія ихъ и отчетность носятъ совершенно случайный характеръ, зависящій, главнымъ образомъ, отъ волостныхъ писарей, ведущихъ и денежную отчетность у крестьянъ, а также отъ лицъ, начальствующихъ надъ волостными правленіями: въ однѣхъ волостяхъ, напримѣръ, даютъ въ ссуду деньги и постороннимъ лицамъ, а въ другихъ—нѣтъ, и ссуды вообще чаще попадаютъ менѣе нуждающимся или вовсе не нуждающимся крестьянамъ, которые иногда взятые въ ссуду деньги, въ свою очередь, переотдаютъ займы за бѣльшій процентъ другимъ лицамъ; обратное взысканіе ссудъ въ большинствѣ волостей самое неаккуратное: сроки не соблюдаются и ссуда остается у заемщика, вмѣсто условленнаго срока, цѣлые годы, переходя отъ отца къ дѣтямъ и даже отъ дѣтей къ внукамъ заемщика, не смотря на то, что причиною этого часто бываетъ не бѣдность или особая нужда, а простая оплошность и нежеланіе возвращать ссуду. Поэтому, ссудо-сберегательный сундукъ почти всегда бываетъ пустъ и дѣйствительно-нуждающіеся крестьяне въ рѣшительныхъ случаяхъ вынуждены бываютъ одолжать деньги (десятокъ-другой рублей) у мѣстныхъ ростовщиковъ, часто на самыхъ тяжелыхъ и раззорительныхъ условіяхъ, которыми иногда пользуется и крестьянинъ-сосѣдъ, неправильно получившій ссуду.

Впрочемъ, рядомъ съ волостными кассами въ послѣднее двадцатилѣтіе стали возникать то тамъ, то здѣсь,—хотя и весьма рѣдко,—ссудо-сберегательныя товарищества съ

цѣлью доставить сельскому населенію вообще болѣе правильный и болѣе доступный кредитъ и уже съ лучшей, болѣе стройной организаціей, подробно обусловленные спеціальными уставами и съ особаго каждый разъ разрѣшенія правительства. Но деньги даются отсюда не иначе, какъ подъ поручительство постороннихъ лицъ, число и кредитоспособность которыхъ опредѣляются или учредительнымъ уставомъ товарищества разъ навсегда, что чаще бываетъ, или совѣтомъ его въ каждомъ данномъ случаѣ и даются обыкновенно не долѣе одного года; каждый заемщикъ обязательно становится членомъ товарищества и изъ занятой имъ суммы также обязательно удерживается членскій взносъ, который выдается ему лишь при окончательномъ и своевременномъ расчетѣ его съ товариществомъ, послѣ чего заемщикъ уже не считается членомъ послѣдняго до новаго займа, который, какъ и сопряженное съ нимъ членство, повторяется иногда нѣсколько разъ сряду съ однимъ и тѣмъ же лицомъ; въ случаѣ же просрочки въ возвращеніи ссуды, членскій взносъ удерживается на расходы по взысканію; проценты, которые также опредѣляются или уставомъ товарищества разъ навсегда, и это въ большинствѣ случаевъ, или совѣтомъ его періодически съ разрѣшенія правительства, разумѣется, въ обоихъ случаяхъ, — обыкновенно отъ 10 до 12-ти въ годъ, — удерживаются впередъ за весь срокъ займа. Такъ-что заемщикъ въ концѣ-концовъ получаетъ на руки только часть занятыхъ денегъ.

Такимъ образомъ, оба эти вида сельскаго кредита, — волостныя кассы и ссудо-сберегательныя товарищества, — хотя и по разнымъ, каждому изъ нихъ свойственнымъ причинамъ, — далеко неудовлетворяютъ существующей въ

немъ надобности, и потому къ услугамъ нуждающагося въ мелкомъ кредитѣ сельскаго населенія явился цѣлый легіонъ жадныхъ ростовщиковъ, густо раскинувшихъ свои сѣти во всѣхъ уѣздныхъ городахъ, мѣстечкахъ и селеніяхъ обширнаго нашего отечества, дѣятельность которыхъ, какъ извѣстно, весьма вредно отзывается на благосостояніи сельчанъ вообще, а мелкихъ землепашцевъ въ особливо, противъ чего, какъ извѣстно, потребовались даже особыя законодательныя мѣры.

Между тѣмъ, при лучшей постановкѣ организаціи существующихъ волостныхъ кассъ потребность сельчанъ-землепашцевъ въ мелкомъ краткосрочномъ кредитѣ болѣе или менѣе удовлетворялась-бы, и чѣмъ далѣе, тѣмъ болѣе безъ сомнѣнія, потому что и теперь уже въ нѣкоторыхъ волостяхъ капиталъ этотъ достигаетъ тысячъ до десяти и болѣе, по крайней мѣрѣ во многихъ волостяхъ сѣверо-западнаго края, а при болѣе правильныхъ оборотахъ въ недалекомъ будущемъ, пожалуй, достигъ-бы суммы, достаточной для мѣстныхъ нуждъ, если не всего сельскаго населенія, то, по крайней мѣрѣ, крестьянъ, которые, такимъ образомъ, и были-бы постепенно освобождены отъ эксплуататорской дѣятельности безцеремонныхъ и ненасытныхъ ростовщиковъ. Прежде всего, выдачу ссуды слѣдовало-бы обусловить дѣйствительною нуждою крестьянъ, съ подробнымъ указаніемъ въ постановленіи волостнаго правленія побудительныхъ причинъ займа-ссуды; затѣмъ, слѣдовало-бы отсрочку кредита, т. е. возвращенія ссуды допускать лишь въ уважительныхъ и строго-опредѣленныхъ случаяхъ, а за просрочку внѣ этихъ случаевъ, по оплошности и нерадѣнію, надлежало-бы установить, по примѣру нѣкоторыхъ благо-

устроенныхъ банковъ, извѣстный штрафъ или пеню, въ видѣ неустойки, въ пользу ссуднаго капитала, чтобы оплотнѣе заемщики лучше заботились объ аккуратности; наконецъ, слѣдовало-бы ввести болѣе правильную и строгую отчетность и не только годичную, но и періодическую, на примѣръ мѣсячную, съ подчиненіемъ всей операціи надзору контрольныхъ палатъ и ихъ агентовъ на общемъ основаніи, т. е. наравнѣ и одинаково съ другими офиціальными учрежденіями. А гдѣ такихъ кассъ и капиталовъ еще нѣтъ, тамъ слѣдовало-бы ихъ открыть на счетъ обязательныхъ взносовъ крестьянъ подушныхъ или подесятинныхъ, единовременныхъ или ежегодныхъ; въ необходимыхъ случаяхъ могло-бы и правительство придти на помощь крестьянамъ въ столь благомъ дѣлѣ, на извѣстныхъ, разумѣется, условіяхъ.

Рядомъ съ этимъ полезно было-бы число ссудо-сберегательныхъ товариществъ увеличить, такъ какъ въ настоящее время далеко не въ каждомъ уѣздѣ, даже, кажется, не въ каждой губерніи имѣется такое товарищество, что является, очевидно, каплей въ морѣ. Потомъ, взимаемые ими проценты слѣдовало-бы уменьшить, сообразно теперешнимъ условіямъ кредита, и впередъ ихъ не удерживать; членскихъ взносовъ отъ случайныхъ, въ особенности мелкихъ заемщиковъ обязательно не требовать: гарантіей и обезпеченіемъ долженъ служить достаточный основной капиталъ товарищества; наконецъ, операцію и отчетность ссудо-сберегательныхъ товариществъ или банковъ, опять-таки, надлежало-бы подчинить надзору и контролю правительства въ той или другой формѣ.

ГЛАВА ТРЕТЯ

Интеллектуальная жизнь крестьянъ.

Образованіе.

Личное и матеріальное благополучіе какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ, слѣдовательно, и цѣлаго общества въ значительной степени, если не во всемъ, зависитъ отъ умственного и нравственного ихъ развитія, являющагося, какъ извѣстно, душою всякого успѣха и, слѣдовательно, главнымъ, основнымъ условіемъ лучшаго устройства народной жизни во всей ея совокупности, сообразно природнымъ, историческимъ и другимъ условіямъ положенія страны.

Между тѣмъ, до крестьянской реформы 1861 года народное образованіе у насъ, какъ извѣстно, вообще было только въ зародышѣ. У бывшихъ государственныхъ или казенныхъ крестьянъ, напримѣръ, кое-гдѣ при тогдашнихъ ихъ сельскихъ правленіяхъ существовали, отчасти на счетъ ихъ самихъ, а отчасти на счетъ управленія государственныхъ имуществъ, народныя или сельскія школы, въ которыхъ были учителями случайные люди, совершенно неподготовленные къ педагогической дѣятельности; школы эти и учителя, въ то же время, не имѣли надъ собою ни осо-

баго контроля, ни правильной организаціи, способной сообщить дѣлу порядокъ и дисциплину. Поэтому, курсъ, какъ и самое преподаваніе, носили чисто случайный характеръ, зависѣвшій отъ импровизированныхъ учителей, большинство которыхъ способно было съ грѣхомъ по-поламъ обучать лишь чтенію и письму, оставлявшими, впрочемъ, весьма много желать; крестьянскіе мальчики, окончившіе это училище и оказавшіеся болѣе способными, брались въ канцеляріи сначала чиновниковъ особыхъ порученій, а потомъ окружныхъ начальниковъ, завѣдывавшихъ, въ свою очередь, казенными крестьянами, для подготовки ихъ въ помощники тогдашнихъ сельскихъ писарей, контингентъ которыхъ пополнялся уже спеціально ими; нѣкоторыхъ-же, хотя и весьма немногихъ, управленіе государственныхъ имуществъ на свой счетъ отсылало въ земледѣльческія, агрономическія и лѣсныя школы. Но все это въ дѣлѣ народнаго образованія составляло, разумѣется, каплю въ морѣ и не производило замѣтнаго вліянія на народную жизнь, остававшуюся по-прежнему на патріархальной степени развитія. У помѣщичьихъ-же крестьянъ, жившихъ совершенно особой, изолированной жизнью и не имѣвшихъ ничего общаго съ крестьянами первой категоріи, а, слѣдовательно, и никакихъ отношеній къ ихъ училищамъ, никакихъ общественныхъ школъ и училищъ, а, стало-быть, и никакого преподаванія не было. И только иногда помѣщикъ отдавалъ того или другого крестьянскаго мальчика въ соответствующую школу для изученія нужной ему, помѣщику, специальности: ветеринара, фельдшера, агронома, конторщика и т. п., но практиковалось это лишь по мѣрѣ собственной его надобности и то далеко не всѣми помѣщиками, большинство которыхъ предпочитало этому

службу и услуги постороннихъ лицъ—спеціалистовъ по вольному найму. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ имѣніяхъ были заведены помѣщиками и школы, гдѣ обучались избранные ими крестьянскіе дѣти чтенію и письму подъ руководствомъ эконома, управляющаго, писаря или войта, часто едва грамотныхъ людей. И тутъ, какъ и въ первомъ случаѣ, преподаваніе велось, разумѣется, какъ попало: безъ всякой системы и всякого метода, почему ученики и отсюда не выносили никакого образовательнаго ценза и школы эти не имѣли почти никакого просвѣтительнаго вліянія на народъ.

Такому положенію дѣла немало благопріятствовалъ и полный индифферентизмъ самихъ крестьянъ къ образованію, которое они считали, какъ отчасти еще и теперь считаютъ, лишней, бесполезной роскошью и которое, къ тому-же, ни для кого тогда не было и обязательнымъ.

Поэтому, въ этотъ періодъ народной жизни, сельчанинъ-грамотѣй составлялъ немалую рѣдкость и въ рѣдкой деревнѣ было кому прочитатъ письмо, приказъ или объявленіе, съ которыми сельчане для этого обращались иногда къ тѣмъ, кто ихъ писалъ, или отправлялись въ ближайшій приходъ или имѣніе въ поискахъ за „грамотѣемъ“.

Великая-же крестьянская реформа, озарившая народную жизнь новымъ свѣтомъ и открывшая ей новые пути къ прогрессу и лучшей жизни, юридически объединила, какъ уже сказано, крестьянъ обѣихъ категорій, помѣщичьихъ и государственныхъ, давъ имъ новое одинаковое самоуправленіе и выдвинувъ новыя требованія и задачи, въ числѣ которыхъ непоследнее мѣсто занялъ и вопросъ о школьномъ образованіи крестьянъ. Послѣ этой реформы народное образованіе, какъ извѣстно, всецѣло перешло въ вѣдом-

ство вновь возникшаго министерства народнаго просвѣщенія, благодаря которому, какъ у бывшихъ помѣщичьихъ, такъ и у бывшихъ государственныхъ крестьянъ при вновь учрежденныхъ волостныхъ правленіяхъ, на основаніи особаго положенія, стали возникать народныя училища общаго типа, отчасти на счетъ казны, а отчасти на счетъ волостей по принадлежности; стали назначаться въ учителя люди, уже болѣе достойные и лучше соотвѣтствующіе своему назначенію, по своимъ нравственнымъ, образовательнымъ и умственнымъ качествамъ; специальное-же школьное образованіе ихъ, котораго они въ то время еще и не могли получить за отсутствіемъ въ имперіи специальныхъ учебныхъ заведеній, замѣнялось особыми педагогическими экзаменами по извѣстной программѣ. Потомъ въ нѣкоторыхъ пунктахъ имперіи и на средства того-же министерства стали открываться учительскія семинаріи (какъ на примѣръ: въ мѣстечкѣ „Молодечно“ Виленской, въ городѣ „Поневѣжѣ“ Ковенской и въ гор. „Несвижѣ“ Минской губерній) и учительскіе институты въ главныхъ пунктахъ имперіи. Нечего и говорить, что съ открытіемъ учительскихъ семинарій и институтовъ народное образованіе замѣтно стало улучшаться и уже значительно улучшилось. Хотя специальнымъ назначеніемъ учительскихъ институтовъ служить, какъ извѣстно, подготовка учителей собственно для городскихъ и уѣздныхъ училищъ, но, за отсутствіемъ въ послѣднихъ свободныхъ мѣстъ, воспитанники ихъ часто попадаютъ и въ сельскіе народные учителя, и чѣмъ дальше, тѣмъ больше такихъ случаевъ, такъ какъ число городскихъ и уѣздныхъ училищъ если и увеличивается, то, во всякомъ случаѣ, не въ такой прогрессіи, какъ число кан-

дидатовъ-учителей, ежегодно выпускаемыхъ институтами относительно не въ маломъ количествѣ. Такимъ образомъ, въ настоящее время имѣется уже немало сельскихъ народныхъ учителей съ институтскимъ образованіемъ, что также несомнѣнно благопріятно вліяетъ на дѣло народныхъ училищъ, а, слѣдовательно, и народнаго образованія вообще.

Въ большинствѣ волостей имперіи подѣ народныя училища выстроены въ послѣднее время особые, иногда довольно обширные и удобные дома и въ нѣкоторыхъ изъ нихъ заведены для учениковъ общежитія, что является весьма важнымъ при относительной обширности училищныхъ районовъ въ селеніяхъ; почти при каждомъ училищѣ имѣется общественный или училищный огородъ, которымъ уже безвозмездно и исключительно пользуется учитель, хотя величина училищныхъ огородовъ не установлена и далеко не одинакова; кромѣ того получаетъ онъ (по крайней мѣрѣ въ Сѣверо-Западномъ краѣ) отъ крестьянъ ссыпку готоваго хлѣба, котораго также то больше, то меньше бываетъ, что въ значительной степени зависитъ отъ величины волости; деньгами-же получаетъ учитель, впрочемъ довольно скупо, всего отъ 150 до 240 руб. въ годъ со всѣми „добавочными“ и „прибавочными,“ по крайней мѣрѣ не въ земскихъ губерніяхъ. Въ общемъ матеріальное положеніе сельскихъ учителей далеко незаманчивое, и потому большинство ихъ, прослуживши обязательный срокъ за образованіе и вышедши изъ призывнаго возраста, ищетъ себѣ другихъ, болѣе выгодныхъ мѣстъ, въ особенности много ихъ попадаетъ въ волостные писаря, большинство которыхъ дѣйствительно гораздо лучше обеспечено матеріально, хотя отъ нихъ въ то же время не

требуется никакой научной, теоретической подготовки, кроме практического канцелярского навыка. Отъ этого, разумеется, немало страдаетъ дѣло народнаго образованія, особенно въ худшихъ училищахъ, служащихъ лишь переходнымъ, выжидательнымъ пунктомъ для лучшихъ учителей. Кроме того, далеко не послѣднюю роль играетъ въ дѣлахъ и судьбахъ сельскихъ училищъ и то, что добрая половина крестьянъ еще и теперь относится къ нимъ съ полнымъ равнодушіемъ, а то и съ полнымъ предубѣжденіемъ, противъ котораго часто бываютъ необходимы понудительныя мѣры со стороны начальства и волостнаго правленія въ видѣ штрафа въ мірской капиталъ, „холодной“ (кратковременный арестъ при волостномъ правленіи) и т. п.

Рядомъ съ крестьянскими училищами, только уже впоследствии, какъ извѣстно, были открыты въ уѣздныхъ и заштатныхъ городахъ общесловныя двухклассныя уѣздныя училища съ четырехлѣтнимъ курсомъ, большинство которыхъ потомъ преобразованы въ городскія училища съ значительнымъ расширеніемъ программы преподаванія и уже съ шестилѣтнимъ курсомъ. Училища эти получили уже вполне правильную организацію, преподаваніе въ нихъ ведется гораздо лучше и успѣшнѣе, чѣмъ въ сельскихъ училищахъ, въ каждомъ классѣ преподаетъ особый учитель и положеніе учителей здѣсь гораздо благодарнѣе и почетнѣе, чѣмъ тамъ. Нѣкоторые изъ окончившихъ эти училища, и пожалуй большинство ихъ, берутся за писмоводство въ разныхъ учрежденіяхъ и у разныхъ должностныхъ лицъ, а нѣкоторые продолжаютъ образованіе, поступаая въ учительскіе институты, юнкерскія и техническія училища, духовныя семинаріи и другія спеціальныя

учебныя заведенія. И потому училища эти, въ особенности городскія, имѣютъ весьма важное вліяніе на народное образованіе и народную жизнь вообще, пользуясь особымъ расположеніемъ сельчанъ, охотно посылающихъ сюда своихъ дѣтей при первой возможности, чего пока не замѣчается по отношенію къ народнымъ училищамъ.

Въ заключеніе, останавливаясь надъ мѣрами улучшенія сельскаго народнаго образованія, необходимо признать, что самой главной изъ нихъ является увеличеніе жалованья народнымъ учителямъ, которое они получали-бы притомъ не изъ волостнаго правленія, какъ теперь, что сопряжено иногда съ большими неудобствами для нихъ, а изъ казначейства, и въ такомъ размѣрѣ, чтобы могли они жить вполне прилично и потому дорожить своимъ положеніемъ. Ибо отъ состава и усердія учителей, безъ сомнѣнія, весьма многое зависитъ въ школьномъ дѣлѣ.

Суевѣрія и предрассудки у литовцевъ и бѣлоруссовъ.

Суевѣрія и предрассудки, традиціонно укоренившіеся въ народѣ и немало подрывающіе и тормозящіе его благосостояніе, личное и матеріальное, весьма упорны и туго поддаются наукѣ и просвѣщенію.

Если не во всѣхъ, то, по крайней мѣрѣ, въ важнѣйшихъ случаяхъ жизни наше темное сельское населеніе, большинство котораго, какъ извѣстно, крестьяне, руководствуется суевѣріемъ и предрассудками, унаслѣдованными отъ далекихъ предковъ, иногда довольно оригинальными и явно нецѣлесообразными, ведущими къ результатамъ, об-

ратнымъ цѣли. Укажу лишь на нѣкоторые изъ нихъ, такъ какъ трудно было-бы перечислить всѣ.

Фазы луны, какъ и вообще небесныя явленія, климатическія и астрономическія, въ нравственной и экономической жизни простолюдина играютъ немаловажную роль. Лучшимъ временемъ для всякого дѣла, имѣющаго экономическую или хозяйственную цѣль, считается у него, на примѣръ, новолуніе и полнолуніе, какъ періоды, особенно благоприятствующіе, по традиціи и народному убѣжденію, приросту, приплоду и вообще прибыли и успѣху, тогда какъ остальнымъ фазисамъ луны, въ особенности послѣдней четверти ея, приписывается уже противоположное явленіе. Поэтому, главнѣйшія функціи сельско-хозяйственной жизни, какъ на примѣръ: посѣвъ, жатва и молотьба хлѣба, косьба сѣна, стрижка овецъ, стройка дома, свадьба, покупка, продажа и т. п., пріурочиваются сельчанами, разумѣется по мѣрѣ возможности, къ новолунію и полнолунію. Кромѣ того, при нѣкоторыхъ посѣвахъ принимаются въ соображеніе еще характеръ и очертаніе облаковъ: цвѣтъ, массивность, группировка и форма ихъ, направленіе вѣтра,—восточное, западное, южное и сѣверное,—и вообще состояніе погоды, такъ какъ одна и таже погода для одного посѣва считается благоприятною, а для другого—вредною: въ этомъ, пожалуй, можетъ заключаться и разумный, цѣлесообразный мотивъ. Первая встрѣча также принимается въ расчетъ: бываетъ встрѣча хорошая, предвѣщающая счастье и успѣхъ, и дурная, предвѣщающая неудачу; такъ на примѣръ: отправляясь въ поле сѣять, въ особенности въ первый разъ, или на базаръ за покупкою или съ товаромъ, встрѣтитъ кого-нибудь, особенно женщину, съ порожнею посудой—ведромъ,

горшкомъ, мѣшкомъ и т. п.—считается дурнымъ знакомъ, точно также дурно. если въ такихъ случаяхъ кто-нибудь перебѣжитъ дорогу: домашнія животныя, какъ и дикія, впрочемъ, подраздѣляются въ этомъ отношеніи на вредныхъ и безвредныхъ, и только человѣку не дѣлается исключенія, въ особенности, если онъ „перебѣжитъ“ дорогу опять-таки съ порожнюю посуду, какъ и въ первомъ случаѣ. Поэтому, болѣе суевѣрные предпринятое дѣло, если оно несгѣшное, въ такихъ случаяхъ отлагаютъ на другой разъ, а чтобы вѣрнѣе избѣгнуть перечисленныхъ препятствій, часто отправляются они куда слѣдуетъ окольными путями. Вспомнить волка, главнаго врага сельскаго населенія, во время ѣзды считается безусловно опаснымъ для скота. Чтобы оградить послѣдняго отъ несчастныхъ случаевъ, выпуская въ первый разъ въ поле на подножный кормъ, предварительно окуриваютъ свенцоннымъ (освященнымъ въ костелѣ или церкви) зельемъ и пропускаютъ между двухъ яицъ, положенныхъ на землю по сторонамъ дороги, и яйца эти затѣмъ несутся въ костелъ или церковь на офьяру въ честь св. Юрія, патрона или хранителя скота. Долгое бездождіе лѣтомъ приписывается, главнымъ образомъ, винѣ сосѣдей, неисполнившихъ пасхальной исповѣди и миропомазанія, а также чарамъ дурныхъ людей, имѣющихъ дѣло съ сверхъестественными силами, которыми они-де располагаютъ произвольно, во вредъ или пользу ближняго, руководствуясь желаніемъ и личными своими видами; послѣднимъ-же, т. е. дурнымъ людямъ, приписывается и убыль или порча у коровъ молока, которое они таинственными, имъ только извѣстными, путями переводятъ къ себѣ. Не послѣднюю роль играютъ въ жизни крестьянъ-землепал-

цевъ и разные заломы-заговоры растущаго въ полѣ хлѣба „чародѣями, вѣдьмами и пр.“,—заломы, которые считаются уже безусловно вредными въ томъ или другомъ отношеніи для хозяина нивы, членовъ его семьи или для скота ихъ и которые могутъ быть лишены этой чудодѣйственной силы лишь контръ-заговорами такихъ-же самихъ людей-чародѣевъ, получающихъ за это особое вознагражденіе и употребляющихъ при этомъ самые оригинальные, причудливые и иногда явно несообразные приемы и манипуляціи. Громъ, по убѣжденію большинства сельчанъ, преслѣдуетъ и истребляетъ нечистую силу, „чертей“, и ударяетъ тамъ, гдѣ она, ища спасенія, скрылась, поэтому противъ ударовъ грома (молніи не принимается въ расчетъ: она только предвѣстница грома, въ которомъ вся суть и, слѣдовательно, вся сила) самымъ вѣрнымъ средствомъ считается крестъ, т. е. крестное знаменіе и усердная молитва, въ особенности благочестивыхъ и набожныхъ людей, имѣющихъ особыя заслуги предъ Богомъ (отсюда, вѣроятно, и пословица: „громъ не грянетъ — мужикъ не перекрестится“), крестъ и молитва, отражающіе нечистую силу, отъ которой, впрочемъ, во время грозы тщательно закрываются и затыкаются всѣ ходы и малѣйшія отверстія, чрезъ которые ей легко проникнуть; кромѣ того, чтобы вѣрнѣе избѣгнуть опасности зажигаютъ въ избѣ свенцовную траву и свѣчугромницу. А случится отъ молніи пожаръ—первоначальное тушеніе его успѣшно только молокомъ: сладкое предпочитается кислому, хотя, впрочемъ, часто бываетъ и наоборотъ, а козье—коровьему. Богомъ и повелителемъ грома, молніи и дождя обыкновенно считается св. Илья, къ которому сельчане, преимущественно, и обращаются съ молитвою и жертвами во

время грозы, бури или долгаго бездождія, какъ и въ случаѣ долгаго или чрезмѣрнаго дождя.

Не меньшую роль играютъ въ жизни сельчанъ сновидѣнія и способы леченія. Въ большинство сновидѣній вѣрятъ они свято и нѣкоторыя изъ нихъ принято понимать обратно, т. е. если, напримѣръ, отсутствующій представляется во снѣ здоровымъ—то значить онъ боленъ или умеръ, богатымъ,—то значить бѣденъ, счастливымъ и веселымъ—то значить несчастенъ и печаленъ и т. п., какъ и наоборотъ, а чтобы лучше помнить видѣнное во снѣ, необходимо сейчасъ переменить положеніе: „перевернуться на другой бокъ“. Поэтому, разные толкователи сновъ въ деревняхъ еще въ больномъ ходу и въ народной литературѣ, какъ и въ народной жизни, играютъ не шуточную, а вполне серьезную роль.

Почти въ каждой мѣстности есть такъ-называемые знахари: шептуны, заговорщики, заклинатели, ворожен, ворожбиты и тому подобные сознательные и безсознательные шарлатаны, которыхъ большинство сельскаго населенія предпочитаетъ медикамъ и къ которымъ преимущественно обращается за совѣтомъ и помощью во всевозможныхъ болѣзняхъ и недугахъ, какъ физическихъ, такъ и душевныхъ, и только въ крайнихъ, изъ ряда вонъ выходящихъ случаяхъ обращается къ медикамъ, и то не всегда: развѣ ужъ или спасуютъ знахари-самозванцы, что, впрочемъ, весьма рѣдко бываетъ, или безсиліе ихъ помочь больному сдѣлается уже очевиднымъ. Большинство знахарей-шарлатановъ занимается „леченіемъ“ спеціально, т. е. исключительно и постоянно, и нѣкоторые изъ нихъ пользуются у сельчанъ обширной извѣстностью и имѣютъ такую-же обширную

практику, дающую имъ иногда хорошія средства къ праздной и беззаботной жизни. Къ нимъ стекаются простодушные за совѣтомъ и мнимой помощью иногда изъ довольно отдаленныхъ мѣстъ, гонимые недугомъ, и за леченіе плотятъ имъ чѣмъ попало, но преимущественно натурою: льномъ, полотномъ, хлѣбомъ, саломъ, масломъ, медомъ и т. п., часто привозятъ и приносятъ водку и другіе напитки, но уже не въ счетъ, такъ какъ распиваются они уже сообща „докторомъ“, паціентомъ, если онъ, разумѣется, еще можетъ, и тѣми, кто его сопровождаетъ. Способъ леченія у всѣхъ этихъ самозванныхъ докторовъ почти одинъ и тотъ-же и главными его атрибутами являются: солнце, луна, звѣзды, утро, вечеръ, заря, востокъ, западъ, молитва обыкновенная или особая, заговоры и заклинанія, а ближайшими, уже непосредственными средствами—вода, разныя травы: сушенныя и свѣжія, свенцонныя и нѣтъ, разныя манипуляціи и репрессіи надъ больнымъ—окуриваніе, омовеніе и т. п.; практикуется, впрочемъ, и *заочное леченіе*. Лечатъ, главнымъ образомъ, отъ вѣтра и „дурного глаза“, которымъ, въ особенности „дурному глазу“, приписывается значительная доля самыхъ разнообразныхъ болѣзней и недуговъ, причемъ неперемѣннымъ условіемъ успѣшнаго леченія считается *безусловная* вѣра паціента въ чудодѣйственную силу леченія и, поэтому, всѣ неудачи объясняются *исключительно* отсутствіемъ или недостаткомъ такой вѣры, такъ какъ компетентность свою въ дѣлѣ леченія знахари объясняютъ вдохновеніемъ свыше: живучесть и популярность среди народа знахарства, такимъ образомъ, поддерживается, главнымъ образомъ, таинственностью и тѣмъ, что всѣ неудачи леченія приписываются

отсутствію или недостатку абсолютной вѣры въ него со стороны больного,—вѣры, которой невозможно провѣрить, но въ которую легко усомниться въ каждомъ данномъ случаѣ, чѣмъ знахари и пользуются по мѣрѣ представляющейся надобности, поддерживая этимъ свой престижъ среди народа, свою популярность и даже непогрѣшимость, для чего достаточно изъ сотни одного благопріятнаго случая „леченія“. Занимаются этимъ преимущественно кочующіе и приплыве люди: нѣмцы, татары, цыгане и венгры и преобладаютъ вообще женщины.

Искупительныхъ жертвъ такого заблужденія въ деревенской глуши безчисленное множество. Впрочемъ, не только въ деревенской глуши, но часто въ мѣстечкахъ и небольшихъ городахъ—уѣздныхъ и имъ подобныхъ—все эти самозванцы гиѣздятся и изъ-подъ-тишка дѣйствуютъ рядомъ съ законными представителями медицины, пока заявленіе или случай не обратятъ на это вниманія кого слѣдуетъ и не прекратится вредная ихъ дѣятельность судебными или полицейскими мѣрами, хотя это, впрочемъ, весьма рѣдко случается, такъ какъ провинціальное населеніе, вообще съ этимъ явленіемъ, какъ неизбежнымъ зломъ, такъ сказать, давно сжилося и легко мирится.

Однако, все эти предрасудки и суевѣрія, а съ ними, какъ прямое слѣдствіе, и шарлатанство, постепенно уменьшаются, уступая,—хотя и медленно,—просвѣщенію, разсудку и примѣру истинно-образованныхъ людей. Побольше свѣта въ народную среду—и все это, со всеми своими нежелательными явленіями, само собою разсѣялось-бы и исчезло, какъ разсѣвается и исчезаетъ мракъ ночи предъ восходящимъ солнцемъ.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ.

Домашнее и общественное развлеченіе.

Какъ во всѣ времена игры и развлеченія всегда занимали видное мѣсто въ человѣческой жизни, сообразно культурному ея состоянію, такъ и монотонная, относительно бѣдная содержаніемъ жизнь нашихъ сельчанъ-землепалцевъ болѣе или менѣе оживляется и разнообразится присущими ихъ нравамъ и обычаямъ народными забавами, неразлучно чередующимися съ мѣстными и общенародными праздниками, а, слѣдовательно, и съ временами года.

Начнемъ съ общенароднаго праздника Рождества, называемаго по-литовски „Коляды“. Праздникъ этотъ, какъ и во всѣхъ слояхъ христіанскаго населенія, начинается наканунѣ кутьею—сочельникомъ; болѣе пiousные и вѣрные традиціи, унаслѣдованной отъ далекихъ предковъ, въ теченіе этого дня ничего не ѣдятъ, чтобы достойнѣе, съ лучшимъ благочестіемъ и аппетитомъ вечеромъ приняться за кутью; предварительно столъ застилается сѣномъ, покрывается скатертью и, подъ предсѣдательствомъ главы семейства—хозяина, вся семья торжественно садится за ужинъ; въ числѣ блюдъ, по традиціи, главными и даже

отчасти необходимыми являются рыба, ячная каша и овсяный кисель, разбавляемые медомъ и сахаромъ, если они только есть; всѣ блюда непременно постные: водки-же въ нѣкоторыхъ мѣстахъ при этомъ совершенно не полагается; на завтра остатки кутьи доканчиваются еще до разсвѣта, но уже безъ особыхъ церемоній, причемъ снимается со стола сѣно и, по оставшимся на столѣ зернамъ, заключается о будущемъ урожаѣ, снятое со стола сѣно тотчасъ раздается домашнему скоту—лошадямъ, коровамъ и овцамъ съ тѣмъ, чтобы ни одно животное притомъ не было обойдено, такъ какъ сѣну этому приписывается, по народнымъ убѣжденіямъ и народной традиціей, особое значеніе, ограждающее скотъ—главное богатство земледѣльческаго населенія,—отъ болѣзней, падежа и другихъ несчастныхъ случаевъ. Существуетъ въ народѣ убѣжденіе, что въ извѣстный, соотвѣтствующій рожденію Христа, но неуловимый для простыхъ смертныхъ, моментъ рождественской ночи вода въ своихъ источникахъ,—рѣкахъ, озерахъ и колодцахъ,—превращается въ вино и всѣ животныя, домашнія и дикія, привѣтствуя великое событіе—рожденіе Христа—становятся на колѣни, въ подтвержденіе чего существуетъ въ народѣ большое разнообразіе самыхъ причудливыхъ легендъ, оригинальнѣе одна другой, которымъ народное большинство и до сихъ поръ свято и охотно вѣритъ. Легенды и преданія этого рода обыкновенно связаны съ далекими, патріархальными временами и съ мифическими лицами. Во время праздника, который продолжается обыкновенно не менѣе четырехъ дней, развлекаются преимущественно разнообразной игрой въ лѣсные орѣхи, запасъ которыхъ дѣлается лѣтомъ главнымъ образомъ для этого; затѣмъ „ко-

кинями“ или вечеринками, на которыхъ молодежь, собравшись въ болѣе просторную избу, подъ музыку своего доморощеннаго скрипача, пляшетъ и веселится, а старики, куря трубку и нюхая табакъ, оживленно бесѣдуютъ о чемъ понало, преимущественно, разумѣется, о томъ, что ихъ непосредственно касается: о землѣ, объ урожаѣ, о скотѣ и о волостномъ правленіи, припоминая свои молодые годы, когда, по ихъ словамъ, „другія“ были времена и „другіе“ люди (лучшіе) и когда и у нихъ-де „ноги сами танцовали“. „Кокини“ эти или вечеринки почти всегда сопровождаются выпивкой на общій счетъ: вышивка эта у большинства сельчанъ называется „фундаціей“. Что-же касается хозяйственнаго или экономическаго значенія праздника Рождества, то праздникъ этотъ, кажется, съ незапамятныхъ временъ служить общимъ срокомъ для личнаго найма на земледѣльческія и другія сельско-хозяйственныя работы, какъ юрьевъ день—23 апрѣля—служить общимъ срокомъ въ селеніяхъ для найма земель, а въ городахъ—квартиръ. На второй день праздника землепашцы-католики несутъ въ костелъ овесъ, который освящается для перваго предстоящаго посѣва, чему приписывается немаловажное значеніе въ дѣлѣ урожая.

Потомъ наступаютъ „запусты“, а по литовски „ажуравасъ“—послѣдній день масленицы. Въ этотъ день каждому селянину-землепашцу, хоть немного, необходимо покататься на лошади, причемъ каждому хозяину—главѣ дома—съ кѣмъ-нибудь изъ членовъ семьи, преимущественно съ женою, какъ хозяйкою, обязательно объѣхать всѣ три поля, „чтобы лучше родилъ ленъ“. И тутъ, какъ и во всѣхъ развлеченіяхъ, главную роль играетъ,

разумѣтся, молодежь, оглашающая окрестности разнообразными, спеціальными на этотъ случай пѣснями народнаго творчества, пѣніе которыхъ для женщинъ, въ особенности для дѣвушекъ, обязательно во время катанья. Праздникъ этотъ, вѣрнѣе народное гулянье это, заканчивается обыкновенно также „кокиней“, или вечеринкой. Слѣдующій день, называемый „попелецъ“ (отъ слова пепелъ, который употребляется при чисткѣ жирной посуды), какъ первый день поста, сначала посвящается молитвѣ дома, въ церкви или костелѣ, а потомъ „полосканію зубовъ“ водкою или пивомъ и чисткѣ посуды, въ которой приходится варить уже безусловно постную пищу до Пасхи включительно: скромная пища, хотя-бы только съ молокомъ или масломъ, въ великомъ посту считается большимъ грѣхомъ,—исключеніе допускается только для маленькихъ дѣтей и опасно-больныхъ, для послѣднихъ, однако, не иначе, какъ съ разрѣшенія приходскаго священника или ксендза. Въ продолженіе поста снятое молоко сливается въ особую кадку и съѣдается во время и послѣ Пасхи и только иногда оно обращается въ скопы. О вкусѣ, питательности и вліяніи на здоровье такого молока легко можетъ судить всякій.

Затѣмъ слѣдуетъ Пасха. Въ нравственно-религіозной жизни народа праздникъ этотъ, какъ извѣстно, занимаетъ главное мѣсто, и болѣе набожные изъ сельчанъ-землепашцевъ, въ числѣ которыхъ преобладаютъ женщины, въ теченіе поста готовятъ къ нему съ особымъ усердіемъ. Весь постъ они не только ничего не ѣдятъ скоромнаго,—съ мясомъ или молокомъ,—но и обыкновенную порцію пищи сокращаютъ до минимума, а съ половины дня великаго четверга вплоть до часовъ 12 перваго дня Пасхи уже и

совершенно ничего не ѣдятъ: все это въ знакъ того, что Спаситель міра цѣлыхъ сорокъ дней проводилъ безъ пищи и въ искушеніяхъ. Считается священной и непремѣнной обязанностью каждого правовѣрнаго христіанина въ великомъ посту исповѣдываться въ своемъ приходѣ, получать прощеніе (разрѣшеніе) грѣховъ и приобщаться Св. Тайнъ; умершій безъ пасхальной исповѣди считается въ загробной жизни уже безвозвратно погибшимъ и служитъ причиною главныхъ сельско-хозяйственныхъ невгодъ въ околѣхъ: долгаго бездождія, какъ и чрезмѣрнаго дождя, градобитія, неурожая, падежа скота и т. п. Поэтому, въ народѣ традиціонно существуетъ строгій взаимный надзоръ за тѣмъ, чтобы каждый изъ сосѣдей—христіанъ-единовѣрцевъ (на иновѣрцевъ не обращается вниманія)—исполнилъ пасхальную исповѣдь, къ чему принимаются иногда даже понудительныя мѣры противъ непослушныхъ и легковѣрныхъ, слывущихъ обыкновенно безбожниками: болѣе авторитетные сельчане являются къ такому своему сосѣду и, послѣ напутствія и увѣщаній, такъ или иначе заставляютъ его отправиться къ исповѣди. И такъ какъ это дѣлается, во-первыхъ, отъ имени всего селенія, иногда цѣлаго околodka и во имя общаго несомнѣннаго блага, а во-вторыхъ, упорствующему, за неисполненіе исповѣди, грозить на цѣлый годъ со стороны односельцевъ презрѣніе и всевозможное преслѣдованіе на каждомъ шагу,—то онъ, въ концѣ концовъ, почти всегда подчиняется требованію и никогда не жалуется на такого рода притѣсненія, напередъ зная, что и въ волостномъ судѣ, проникнутомъ тѣми-же взглядами, не напелъ-бы сочувствія и защиты.

Существуетъ въ народѣ убѣжденіе, что на первый день Пасхи солнце, раздѣляя общую радость и привѣтствуя великое событіе, воскресенье Спасителя, восходя „танцуетъ“, хотя явленіе это не всегда и не всякому удастся видѣть: для этого необходимо особое благочестіе и особыя заслуги передъ Богомъ.

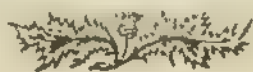
Собственно Пасха начинается съ того, что съѣдается на тощакъ нѣсколько яицъ, круто сваренныхъ и торжественно порѣзанныхъ на куски, по числу членовъ семьи, рукою хозяина, какъ-бы санкціонирующаго этимъ окончаніе великаго поста, и начало весенняго праздника Пасхи, предвѣстницы скорого наступленія лѣта и полевыхъ работъ со всѣми ихъ атрибутами для селянина-землепалца: деревенскимъ привольемъ, пѣснями и чередующимся трудомъ; церемонія эта называется „разговѣніемъ“ и сопровождается со стороны хозяина традиціоннымъ привѣтствіемъ семьи и пожеланіемъ ей благополучно дожидаться слѣдующей Пасхи. Остальное время праздника молодежь колышется на качеляхъ, составляющихъ необходимую принадлежность Пасхи, и поются при этомъ особыя пасхальныя пѣсни мѣстнаго народнаго творчества, характеризующаго жизнь и судьбу землепалца, то счастливую и веселую, то печальную и тяжелую, причемъ не послѣднее развлеченіе составляютъ качаніе и битье яицъ, служащихъ и орудіемъ, и предметомъ игры. Вечеромъ, на первый же день Пасхи, парни группируются въ особыя партіи по нѣсколько человѣкъ и, во главѣ скрипача, обходятъ свою и сосѣднія деревни, распѣвая подъ аккомпаниментъ скрипки такъ - называемую „аллялюю“ и другія пасхальныя пѣсни, въ которыхъ, главнымъ образомъ, также воспроизводится

картина сельской жизни вообще, а землепашца—въ особен-ности, во всѣхъ ея проявленіяхъ, и на разные лады привѣтствуется сначала хозяинъ „съ молодою женою“, (хотя-бы она была и совершенная старуха: слова изъ пѣсни не выкинешь), съ просьбою ничего не жалѣть для такихъ гостей, какъ они, а потомъ остальные члены семьи, въ особенности дѣвушки, для привѣтствія которыхъ существуютъ, впрочемъ, особыя спеціальныя пѣсни, въ которыхъ восхваляются и перечисляются дѣйствительныя и воображаемыя ихъ достоинства въ самыхъ оригинальныхъ формахъ и выраженіяхъ, ведущихъ къ тому-же заключенію—какъ можно щедрѣе заплатить имъ за это. Пѣсенники эти чередуются цѣлую ночь, иногда до восхода солнца, буквально не давая покоя старшему населенію, чтобы вести переговоры и расплачиваться съ ними, одному въ домѣ необходимо лечь подъ главное окно, что обыкновенно исполняется тѣмъ, кто помоложе въ семьѣ; дарятъ ихъ чѣмъ попало, но преимущественно яйцами, которыхъ набирается иногда довольно много, для чего одинъ изъ членовъ партіи снабжается внушительныхъ размѣровъ коробкой; кто побогаче и пощедрѣе, сверхъ того, угощаетъ пѣвцовъ водкой и закуской. Утромъ, по окончаніи обхода, собранное дѣлится между членами артели, но не поровну, а по важности участія каждаго изъ нихъ въ экскурсіи, такъ какъ и тутъ бываютъ и главные, и второстепенные артисты.

Лѣтомъ, когда сельское населеніе, освободившись отъ замкнутости зимней жизни, поглощается полевыми работами и кругъ экономической его дѣятельности, вообще, расширяется, подобныхъ развлеченій бываетъ гораздо меньше,

хотя и лѣто кое-чѣмъ разнообразится. Напротивъ, начало и окончаніе жатвы сопровождаются домашними праздниками: благодарственными пѣснями, танцами и иногда выпивкой, но уже безъ участія постороннихъ, не участвовавшихъ въ работѣ; въ теченіе лѣта, то тамъ, то здѣсь, въ мѣстныхъ и окрестныхъ мѣстечкахъ бываютъ такъ-называемые „фэсты“ (храмовые праздники) и кермашы съ народнымъ гуляніемъ, а осенью, по окончаніи полевыхъ работъ, между сосѣдями-друзьями начинаются взаимныя угощенія и пирушки, а между сосѣдями-врагами возобновляются въ судахъ и у должностныхъ лицъ споры и тяжбы, прерванные рабочимъ временемъ.

Все это періодически дополняется свадьбами и крестинами. Въ особенности свадьбы играютъ большую роль въ сельской народной жизни, какъ въ экономическомъ, такъ и въ эстетическомъ и нравственномъ отношеніи. Свадьба, какъ и въ доброе старое время, начинается наканунѣ вѣнчанія, обыкновенно вечеромъ въ субботу и продолжается цѣлую недѣлю, до слѣдующей пятницы; приглашаются на нее и близкіе, и далекіе родственники, большинство которыхъ являются сюда цѣлыми семьями; „гуляютъ“ все это время, почти безъ перерыва, день и ночь и потому неудивительно, что свадьбы подрываютъ благосостояніе даже состоятельныхъ хозяевъ. Впрочемъ, какъ-бы для облегченія послѣдняго, каждый гость-хозяинъ или глава семьи обязательно привозитъ съ собою гарнецъ водки и „коровай“ (разрисованная условными символическими знаками булка хлѣба), а жена его—мясо и пироги: это уже въ силу вѣковой традиціи, дѣйствующей силой же закона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ.

Сознаю, что настоящій мой трудъ далеко не соотвѣтствуетъ ни обширности затронутой имъ темы, ни богатству, разнообразію и интересу представляемаго ею матеріала. Многое въ немъ, и можетъ быть самое интересное и главное, обойдено и многое недосказано. Но, чтобы болѣе или менѣе удовлетворить намѣченной мною задачѣ, необходимы особый талантъ, солидное научное знаніе, опытность и, освѣщенное всѣмъ этимъ, тщательное изслѣдованіе сельской жизни, такъ обширной и такъ сложной въ своей совокупности. Къ сожалѣнію, ни однимъ изъ этихъ условій, безусловно необходимыхъ для серьезнаго литературнаго труда, въ достаточной степени я не владѣю, и потому трудъ мой необходимо разсматривать лишь какъ благую, усиленную попытку, какъ желаніе автора подѣлиться съ благосклоннымъ читателемъ, можетъ быть не знающимъ сельской жизни или знающимъ ее мало, тѣмъ, что авторъ лично пережилъ, передумалъ и перечувствовалъ, постоянно живя на деревнѣ, тѣмъ болѣе, что, какъ говорится, „кому мало дано—отъ того нельзя много и требовать“.

Пожалуй скажутъ, и отчасти справедливо, что „не за свое-де и не берись“. Но, во-первыхъ, и талантамъ при-сущи ошибки, а ихъ произведеніямъ—тѣ или другіе недостатки, во-вторыхъ, хорошая, благонамѣренная цѣль, хотя-

бы и не вполне достигнутая, еще не заключаетъ въ себѣ ничего предосудительнаго и, въ-третьихъ, человѣческія усилія и попытки на разныхъ поприщахъ: практическомъ, теоретическомъ и научномъ, часто подверженныя всевозможнымъ неудачамъ, колебаніямъ и ошибкамъ, и составляютъ собственно все то, что мы называемъ цивилизаціей, прогрессомъ и его плодами. А такъ какъ изъ копѣекъ слѣгаются рубли, а изъ рублей капиталы, то и настоящій мой трудъ, какъ маленькая частица цѣлаго, можетъ быть и не будетъ совершенно лишнимъ, хотя судить объ этомъ, разумѣется, не мнѣ. Такая моя побудительная причина и такое мое оправданіе.

Изъ обойденныхъ мною сторонъ сельской жизни весьма важную въ ней роль играютъ, на примѣръ, лѣсъ и лѣсное хозяйство, какъ факторъ обще-хозяйственный, климатическій и гигиеническій, въ особенности въ холодной и холодно-умѣренной полосахъ, гдѣ весной и лѣтомъ губительно дѣйствуютъ на органическую, особенно растительную жизнь сѣверные холодные вѣтры, единственной и важной защитой отъ которыхъ является именно лѣсъ, и гдѣ необходимы теплыя, прочныя постройки и усиленное ихъ отопленіе зимой. Затѣмъ, трудолюбіе, воздержаніе и бережливость, уже какъ основныя условія всякаго благополучія и благосостоянія.

Но что касается трудолюбія, воздержанія и бережливости, то большинству сельчанъ-землепашцевъ въ достоинствахъ этихъ отказать нельзя, хотя достоинства эти присущи имъ, правда, не въ одинаковой мѣрѣ.

Трудолюбіе, на примѣръ, уже болѣе общее и постоянное, (какъ бы врожденное и неотъемлемое) качество сельчанъ-

землепашцевъ, чѣмъ остальные добродѣтели. Почти всѣ они растутъ, живутъ и умираютъ въ тяжеломъ, непрерывномъ, хотя и не одинаково успѣшномъ трудѣ, и въ этомъ отношеніи между ними весьма немного исключеній, причемъ нерадивые и лѣнтяи у нихъ въ большомъ презрѣніи. Настоящимъ, т. е. истинно - полезнымъ трудомъ признается только физическій трудъ: земледѣльческій, ремесленный и фабрично-заводской, но преимуществомъ пользуется, разумѣется, земледѣльческій. Всякій-же иной трудъ считается неважнымъ и второстепеннымъ, а то — лишнимъ и бесполезнымъ, какъ, на примѣръ, умственный трудъ въ глазахъ значительной части землепашцевъ, кромѣ письма, которому придаютъ они ужъ преувеличенное значеніе. Такой взглядъ сельчанъ на трудъ немало противодѣйствуетъ и распространенію народнаго образованія, весьма туго прививающагося въ селеніяхъ.

Выросшіе и живущіе въ трудѣ и лишеніяхъ, лучшихъ воспитателяхъ челоѣка, сельчане-землепашцы въ ежедневной своей жизни весьма благоразумны: нетребовательны, бережливы и довольно-воздержаны, чѣмъ они замѣтно отличаются отъ остальныхъ категорій рабочихъ и ремесленниковъ, даже отъ нѣкоторыхъ классовъ населенія вообще, хотя, разумѣется, и тутъ „семья не безъ уroda“, какъ правило не безъ исключенія.

Такимъ образомъ, установившееся въ послѣднее время въ высшихъ слояхъ общества и въ литературѣ мнѣніе, превратившееся почти въ убѣжденіе, о лѣнности и распущенности „мужика“ совершенно неосновательно, и бѣденъ онъ не отъ этого, а отъ причинъ, коренящихся въ окружающей его средѣ, въ общественномъ и экономическомъ

строѣ, и, слѣдовательно, отъ него вовсе независящихъ: по крайней мѣрѣ такъ это въ большинствѣ случаевъ.

Да, землепашецъ нашъ, въ сущности, болѣе трудолюбивъ—чѣмъ лѣнивъ, болѣе бережливъ—чѣмъ расточителенъ и болѣе воздержанъ—чѣмъ распущенъ: это не подлежитъ сомнѣнію и въ этомъ нужно отдать ему справедливость. Сущствующее-же противоположное сему мнѣніе—плоды досужей кабинетной фантазіи и не провѣреннаго предубѣжденія.

Свенцяны.

15 іюля 1894 г.

2007058184